

ISSN 2587-7844

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2021. № 1 (13)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии 10.00.00

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований

Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Россия, 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в международную ассоциацию издателей CrossRef, которая разрабатывает общую инфраструктуру (CrossRef DOI) для поддержки наиболее эффективной научной коммуникации (публикациям журнала присваивается идентификатор DOI – индексируемая ссылка к постоянно-местонахождению статьи для получения необходимой информации о ней)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-Chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-Chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Бенет Винсент, доктор филологических наук, профессор, INALCO (Франция)
Benet Vincent, Doctor of Philology, Professor, INALCO (France)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voyvodich Yasmina, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Игнатьева Т.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Ignatieva T.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пак Чжон-Кван, доктор PhD, Национальный университет Кёнбук (Республика Корея)
Park Jong-kwan, PhD, Doctor, Gyeongbuk State University (The Republic of Korea)

Керо Энрике, Университет Гранады (Испания)
Kero Enrique, University of Granada (Spain)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Протасова Е.Ю., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, Университет Хельсинки (Финляндия)
Protasova E.Yu., Doctor of Education, PhD in Philology, University of Helsinki (Finland)

Садовский Я., доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор Ягеллонского университета, директор Института восточнославянской филологии, заведующий кафедрой языковой и культурной коммуникации (Краков, Польша)
Sadowski J., PhD in Philology, Doctor of History, Professor, Director of the Institute of East Slavic Philology, Head of the Department of Language and Cultural Communication, Jagiellonian University (Krakow, Poland)

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Тышковска-Каспршак Э., доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмелева Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Velikiy Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А.Д. Васильев
ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ НОРМА
КАК САКРАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН
A.D. Vasilyev
SPELLING NORM AS SACRED PHENOMENON [4]

Прикладные аспекты языкознания

Фэн Гуан
К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ
«ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ»
(НА ПРИМЕРЕ ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
ХУЛУНБУИРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Feng Guang
ON TEACHING A COURSE IN TRANSLATION STUDIES
(ON THE EXAMPLE OF THE FOREIGN LANGUAGES
DEPARTMENT AT THE HULUNBUIR UNIVERSITY) [14]

К.Е. Устьянцева
ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИКЕ
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА РУССКОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ
С УЧЕТОМ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ МОЗГА
(НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

K.E. Ustyantseva
SPECIAL ASPECTS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGE
GRAMMAR TO RUSSIAN-SPEAKING STUDENTS
WITH DUE ACCOUNT
OF FUNCTIONAL BRAIN ASYMMETRY
(ON THE MATERIAL OF THE SPANISH LANGUAGE) [24]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Т.А. Загидулина, Е.О. Новикова
ОТЧЕТЫ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.
КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ИМПЕРСКОГО ПРОСТРАНСТВА

T.A. Zagidulina, E.O. Novikova
RECORDS OF MID-TO-LATE
18TH CENTURY ACADEMIC EXPEDITIONS
AS A TOOL FOR CONSTRUCTING IMPERIAL SPACE [31]

Обзор научных конференций

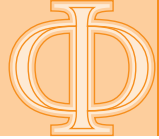
Е.И. Шевчугова, А.В. Федченко
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ УТОПИЯ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТАЖАНРА»:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
E.I. Shevchugova, A.V. Fedchenko
INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
CONTEMPORARY RUSSIAN UTOPIA:
TRANSFORMATION OF THE META-GENRE:
RESULTS AND PROSPECTS [44]

И.С. Букал
РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ-2021:
ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА
НАУЧНОГО ФОРУМА
I.S. Bukal
CHRISTMAS READINGS-2021:
TOPICS AND PROBLEMS OF THE SCIENTIFIC FORUM [53]

РЕЦЕНЗИИ

Жива Бенчич
СИЛА (НЕО)МИФА. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
ЯСМИНЫ ВОЙВОДИЧ «НЕОМИФОЛОГИЗМ
В АКТУАЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ».
М.: «ФЛИНТА», 2021. 240 с.
Ziva Bencic
THE POWER OF (NEO)MYTH
REVIEW OF THE MONOGRAPH BY JASMINA VOJVODIĆ
“NEOMYTHOLOGISM IN ACTUAL RUSSIAN PROSE”.
MOSCOW: FLINTA, 2021. 240 p. [59]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ [64]

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-13-1-66>

УДК 81-114.2

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ НОРМА КАК САКРАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Норма является чрезвычайно важной категорией, служащей для упорядочения разнообразной деятельности общества. С помощью представлений о норме формируется аксиологическая шкала, которая, в зависимости от фундаментальных обстоятельств, подвержена ремаркированию: сакральное и профанное меняются местами.

Это относится и к вопросам языковой политики, наиболее наглядно обнаруживаясь в области правописания. Именно в установлении единых правил орфографии и пунктуации государство проявляет свою волю самым зримым образом.

Цель – социолингвистический анализ орфографических реформ и их результатов.

Методология. Социолингвистический анализ предполагает анализ языковых явлений на основе заявленной концепции в конкретных исторических и общественных условиях, а также с учетом социальных, психологических, языковых особенностей аудитории, на которую они ориентированы.

Результаты исследования. Истории русского языка знакомы случаи радикального орфографического реформирования. Однако самый известный из них (1917 г.), когда правописание было решительно упрощено для скорейшего овладения им широкими массами, повлек весьма негативные психосоциальные последствия – резко пренебрежительное отношение к практическому соблюдению правил.

Самый свежий пример проекта реформы русской орфографии в XXI в. был воплощен в 2007 г., но не получил официального утверждения.

Выводы и заключение. Исходя из сакрального статуса русского языка как одного из ключевых символов государства, следует жестко упорядочить соблюдение имеющихся правил русской письменной речи. Целесообразно также регулярно издание постоянно дополняемых орфографических словарей – при их обязательном официальном утверждении.

Ключевые слова: русский язык, орфографические и пунктуационные правила, реформы правописания, психосоциальные и социокультурные последствия реформ, орфографические установки как сакральные ценности.

Постановка проблемы. Норма вообще выступает необходимейшей понятийной категорией, служащей разумному упорядочению многообразной человеческой деятельности. Нормы могут быть облечены в соответствующие установления и основываться на различных (иногда – сходных) по природе фундаментах: обычаях и традициях, мифологии и религии, идеологии и законотворчестве. Нормы нередко подвергаются трансформациям; иногда – частичным, иногда – всеобъемлющим. В основном это происходит при смене доминирующей конфессии и / или социально-экономического устройства, когда радикально

ремаркируется аксиологическая школа («что такое хорошо и что такое плохо»). Иначе говоря, прежнее сакральное объявляется профанным – и наоборот.

Строгая регламентация поведения людей, межличностных отношений на разных уровнях, от внутрисемейных до международных, от застольного этикета до государственных мероприятий включительно, несомненно играет преимущественно положительную роль.

Однако иногда чрезмерно жесткое регулирование жизни социума, например, в виде всеобщего нивелирования (а не равенства) и подавления любых инициатив, способно обеспечить самые негативные результаты как для отдельной личности, так и для макроколлективов (хрестоматийные иллюстрации см., например, в [Салтыков-Щедрин, 1953, с. 159; Замятин, 1989, с. 518–521; Набоков, 1990, с. 256; и др.]).

Впрочем, с течением времени способы моделирования поведения людей становятся все более изощренными и даже латентными, далеко не всегда будучи подаваемыми через четкую кодификацию в виде обнародуемых законов и проч., но внедряясь в общественное сознание по каналам СМИ (в телесериалах, «токшоу», выпусках новостей и даже в рекламных сюжетах).

Революционные изменения аксиологической парадигмы решительно перемещают координаты сознания и мироощущения социума – в интересах инициаторов и конструкторов «времени перемен» (см. об этом [Кара-Мурза, 2002, с. 546–552; и др.]). В результате – вероятно, пока еще промежуточном – «в России произошла странная трансформация самого понятия «нормальное», «норма» [Прилепин, 2008, с. 197] (также [Кара-Мурза, 2002, с. 556]). Ср. о свершившемся вступлении РФ в фазу политкорректности: «В рамках общества меньшинств <...> [политкорректные ценности] стали обретать статус абсолютной идеологической нормы, оказываясь при этом противопоставленными <...> ценностям большинства» [Ионин, 2012, с. 107] (см. также [Васильев, 2013, с. 231–295]). В целом же происходящие в стране процессы убедительно подтверждают, что «философия социал-дарвинизма <...> актуальна как никогда. <...>. Она и есть – наша государственная идеология» [Прилепин, 2009, с. 34]¹.

Обзор литературы. Применительно к языку норму считают одним из центральных лингвистических понятий [Крысин, 2006, с. 295], причем следует уточнить, что это относится преимущественно к литературному языку, нормы которого четко кодифицированы. Разумеется, норма устанавливается действующей властью – по крайней мере, с ее официального благоволения.

Следует, однако, напомнить, что вопрос, которым небезосновательно задавался Н.Г. Комлев – «о роли классов или социальных слоев в формировании речевых

¹ Недавно главный краевой полицейский, комментируя по местному телеканалу штурм подпольной студии, где в порносюжетах снимались несовершеннолетние девочки, заявил, что действия шоу-бизнесменов грубо нарушают «мораль». Однако непонятно, какая именно «мораль» существует в т.н. «рыночной экономике»: ведь упомянутое предприятие наверняка было рентабельным, следовательно – вполне уместным.

эталонов. Является ли господствующий класс также господствующим в отношении языка?» [Комлев, 2003, с. 121], сам цитируемый автор считал нерешенным [Там же].

Действительно, ряд исторических примеров свидетельствует о безуспешности волюнтаристских попыток российских самодержцев подчинить своей единоличной воле стихию языка. Так, Павел I в 1797 г. высочайше повелел вывести из публичного оборота – руководствуясь заботой об идеологическом целомудрии подданных – слова *отечество, гражданин, общество* и другие, что, впрочем, никак не сказалось на их судьбе [Веселитский, 1972, с. 174, 192–193].

С другой стороны, есть, по крайней мере, одна область языкового строительства, которая, в силу своей зримой стандартизованности, оказывается легко достижимой для властного регулирования; она же является предметом непреходящего интереса и для значительной части общества. Это – орфография, то есть, по хрестоматийной дефиниции, – «система правил, устанавливающая единообразные способы передачи речи на письме» [Ахманова, 1966, с. 294]. Иногда, при засилье бюрократии, неверное оформление требуемого документа становится формальной причиной в отказе на юридически обоснованное прошение т.н. «рядового носителя языка» [Голев, 2008, с. 5 и др.]².

Цель – социолингвистический анализ орфографических реформ и их результатов.

Методология. Социолингвистический анализ предполагает анализ языковых явлений на основе заявленной концепции в конкретных исторических и общественных условиях, а также с учетом социальных, психологических, языковых особенностей аудитории, на которую они ориентированы, с целью установить причинные связи текста между языком и фактами общественной жизни. В данном случае концептуально автор опирается на дефиницию нормы в языкознании: «НОРМА англ. norm. 1. Принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентации), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида. Норма орфоэпическая (норма произносительная). Норма речевая. Норма стилистическая. Норма грамматическая англ. grammar norm, statement of usage. Совокупность грамматических правил, выводимых из языковой практики, имеющая целью направлять и упорядочивать речевую деятельность говорящих на данном языке, а Русск. хочу – хотят, а не хочут. Норма лексическая англ. lexical norm. Норма словоупотребления, принятая в данном языке. Норма литературная англ. literary norm. Норма, определяющая образцовое применение (употребление) языковых средств. Нормы кодификация см. кодификация нормы»³.

² Такая квалификация статуса граждан представляется довольно дискуссионной: хотя из дальнейшего текста становится понятным, что имеются в виду нелингвисты [Голев, 2008, с. 16], но цитируемый автор дифференцирует их на собственно «рядовых (в социальном смысле)» – и «высокопоставленных» [Голев, 2008, с. 14]. С сугубо научной точки зрения у некоторых индивидуумов из числа последних лишь больше административных возможностей в поле языковой политики, но по сути – они такие же «рядовые», как и прочие (и лингвисты тоже).

³ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. URL: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_51.htm

Результаты исследования. Отметим, что в былые времена умение применять в письменной практике знание орфографии имело чрезвычайную значимость и могло повлиять на социальные перспективы адресанта. Например, будущий великий русский историк В.О. Ключевский сообщал в частном письме, что филолог Ф.И. Буслаев напутствовал его в числе абитуриентов Московского императорского университета перед началом работы над вступительным сочинением словами: «...Обратите особенное внимание на правописание: одна орфографическая ошибка отнимает право на поступление в университет»; Ключевский получил «очаровательную „5”» [Ключевский, 1990, т. IX, с. 133–134]. Конечно, престиж владения правописанием особенно рельефно выступал на фоне неграмотности большинства подданных империи.

Такое положение дел было решительно устранено советской властью, которая исторически беспрецедентно озаботилась обучением грамоте широких народных масс и провела кампанию ликбеза (см. [Васильев, 2018, с. 43–44]).

Ей предшествовала орфографическая реформа, подготовленная задолго до революционных событий, но без колебаний и проволочек незамедлительно осуществленная именно большевиками (подробнее [Григорьева, 2004, с. 124; и далее]). Понятно, что они заботились почти равным образом и о распространении научно-технических знаний, и о максимальной доступности своей пропаганды и агитации.

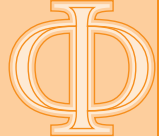
Во вступительной части «Декрета Наркомпроса⁴ о введении нового правописания от 23 декабря 1917 г.» сообщалось, что это масштабное мероприятие производится «в целях облегчения широким народным массам усвоения русской грамоты, поднятия общего образования и освобождения школы от ненужной и непроизводительной траты времени и труда при изучении правил правописания» (цит. по: [Григорьева, 2004, с. 293]). Из этой формулировки явствует, что намерения власти были несомненно благими.

Но, как показывает исторический опыт – и вовсе не только отечественный, – благие намерения нередко увенчиваются не самыми желательными результатами.

Конечно, в самом общем виде итоги ликбеза следует признать положительными. Но обнаружился также и психосоциальный эффект, в значительной степени предсказуемый, однако, как обычно и происходит (по сей день включительно), то ли не учтенный творцами реформы, то ли сочтенный ими ничтожно малым.

Между тем почти синхронно с распространением грамотности возникло и массовое нигилистическое отношение к соблюдению каких бы то ни было орфографических правил. На этот негативный резонанс обратил внимание проницательный Л.В. Щерба: «Может показаться странным, что после проведения реформы орфографии, которая и была задумана в значительной мере в целях облегчения достижения полной грамотности, результаты получились как раз обратные ожидаемым <...>. Реформа не сделала орфографию безусловно легкой, но зато в корне подорвала ее престиж» [Щерба, 1957, с. 56]. Иначе говоря, соблюде-

⁴ Народного комиссариата просвещения.

ние идеологически верного «плана содержания» явочным порядком преобладало над стремлением к правильному оформлению «плана выражения» (термины Л.В. Щербы), в том числе и с позиций орфографии. «Практический вывод, который был сделан отсюда <...> почти всем обществом, был тот, что орфография – вещь неважная, пиши, дескать, как хочешь, не в том сила <...>. Эта новая оценка орфографии была подкреплена свойственным всем революционным эпохам презрением к „форме” и погоней за „существом” [Щерба, 1957, с. 57].

Стоит отметить, что положения о причинах безграмотности, сформулированные Л.В. Щербой, актуальны и по сей день: отсутствие внутренней дисциплины у многих школьников (а теперь – и у людей постарше, чья молодость была осенена странноватым перестроечным лозунгом «Разрешено все, что не запрещено!»); автору случалось дискутировать с сотрудницами учебного отдела юридического вуза, искренне не понимавшими, зачем нужно писать грамотно); «усердие не по разуму», проявляемое администраторами от образования, требующими насаждать новые методы (теперь – инновационные методики и цифровизацию ради инноваций и цифровизации, точнее – грядущей элиминации из учебного процесса фигуры учителя как такового)⁵; малая начитанность школьников [Щерба, 1957, с. 62–63].

Советские учителя и руководители системы образования настойчиво и неоднократно пытались переломить пренебрежительное отношение школьников к овладению русской орфографией, используя различные формы и способы.

Так, в 1954 г. был введен «Единый школьный режим грамотного письма и культуры речи» – «строго очерченный круг требований к общей грамотности и культуре устной и письменной речи учащихся, выполнения которых должны добиваться все учителя школы» (цит. по: [Текучев, 1982, с. 105]), то есть независимо от того, какие предметы они преподают.

Однако эти и им подобные попытки в общем-то разумного орфографического режима закончились паллиативом. Академик А.В. Текучев предложил создать «так называемый орфографический и пунктуационный минимум (по отношению ко всем мыслимым и существующим написаниям) и он же – максимум (поскольку большего от школы и ученика требовать нельзя)» [Текучев, 1982, с. 13]. Небезынтересно, что в результате таких экзерсисов предполагалась четкая функцио-нальная дифференциация прикладной орфографии: в официальной корреспонденции – обязательность соблюдения правил, в лично-бытовой переписке – ослабление тех же требований [Там же].

Кроме того, почти постоянно проектировались новые своды правил. Типологически они во многом были взаимоподобны, поскольку следовали по пути «фонетизации орфографии», то есть максимального приближения написания к произношению (подробнее см. [Григорьева, 2004, с. 207–228; и др.]).

⁵ Например, в красноярской «сфере образовательных услуг» поощряется обучать младшеклассников не началам понимания и осмысления художественного текста, а лишь передавать его содержание картинками определенных цветов (2020 г.).

Прежде чем коснуться последнего по счету грандиозного послесоветского орфографического проекта, следует упомянуть о ряде Федеральных целевых программ «Русский язык», кажется, также затевавшихся с благими намерениями, начиная с 1996 г. – под флагом «духовного обновления и возрождения России» (см. [Васильев, 2008, с. 117–159]). Насколько полно были реализованы программы, широкая общественность так и не узнала. Но в них упоминалось о «необходимости создания норм русского литературного языка» – очевидно, речь шла о новейшей орфографической реформе.

Действительно, почти одновременно с этими программами стали появляться публикации, предварявшие воплощение преобразовательских замыслов. Стоит отметить, во-первых, что их инициаторы и популяризаторы декларировали как свою главную цель «не изменения в правилах, а сам факт [!] официального утверждения нового, полного, современного свода правил» [Лопатин, 2001, с. 60]. Во-вторых, применялся словесный камуфляж – вроде: «то, что подготовлено нами, – это отнюдь не реформа» [Лопатин, 2001, с. 55] (вероятно, с учетом настороженного отношения к слову *реформа*, выработанного у многих «уважаемых россиян» опытом собственного выживания). В-третьих, по-настоящему публичного обсуждения «нереформы» специалистами не производилось (как, собственно, случается со всеми преобразовательскими изобретениями в постсоветской России) [Васильев, 2008, с. 54–56]. Наконец, остались неизвестными и экономические расчеты по поводу финансовых затрат на внедрение правописных новшеств.

В результате были изданы «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» (М., 2007. 480 с.) под грифом Российской академии наук. Впрочем, на титульном листе этого издания значится буквально: «Одобрено Орфографической комиссией РАН», а председателем ее в тот момент являлся В.В. Лопатин [Правила, 2007..., с. 9], по существу, следовательно, одобрявший реализацию собственного замысла и выступивший в качестве ответственного редактора данной книги (см. [Правила..., 2007, с. 2]).

Справедливо замечено, что названный опус не имеет государственного утверждения, а «*между утвержден и одобрен* есть некоторое различие» [Григорьева, 2011, с. 27] (об этом важном обстоятельстве упомянул и Н.М. Кропачев в ходе известного мероприятия, кстати, определив итог трудов орфографо-нереформаторов как «неудачную попытку» [Заседание Совета, 2019]).

Кажется, на какое-то время революционный пыл активистов от правописания поутих.

Однако это не означает прекращения процессов, которые происходят при употреблении конкретного живого языка. Многие его феномены нуждаются в упорядочении при использовании в письменной речи. Например, регламентация прописных букв, особенно в составных именованных и их аббревиатурах; стандартизованная кириллическая передача ряда иноязычных заимствований; четкая фиксация инвариантных написаний имен собственных и др. В таком направлении и необходимы усилия специалистов.

Глубоко справедливо суждение В.В. Путина: «...Совершенствование и правового поля, и самих норм русского языка не должно означать каких-то „революционных“ изменений и уж тем более вульгарного упрощенчества в орфографии и пунктуации»⁶.

Следовательно, для решения ряда насущных задач в области русского правописания нет необходимости в радикальном реформаторстве. Для обеспечения практических потребностей пишущих вполне достаточно подтверждения имеющихся принципов и правил орфографии и пунктуации с очень осторожным, взвешенным и продуманным введением частных комментариев и примечаний. Такие дополнения к правописным нормам (а вовсе не узусу) следует отражать в регулярно (ежегодно) переиздаваемых – при условии их официального санкционирования – общедоступных словарях.

Впрочем, представляется актуальной еще одна задача, имеющая не только культурно-образовательный характер. Это возвращение – конечно, в разумных пределах, – к орфографическому режиму. «Орфографический плюрализм» [Григорьева, 2004, с. 229], несомненно, привлекателен для многих по ряду причин, и не в последнюю очередь – из-за предоставляемой им возможности не напрягаться интеллектуально, то есть обрести некое подобие свободы – по сути, ее имитации. Закрепить обязательность соблюдения правописных норм – безусловно, приоритет государства. Именно русский, согласно ст. 68 Конституции⁷, является государственным языком РФ (любопытно, что остальные государственные символы – флаг, герб и гимн – перечислены ниже, в ст. 70). Значит, в силу своего статуса он является сакральной ценностью, профанизировать которую кощунственно, в том числе и в форме ошибок на письме⁸. Хотя и не прекращается явно надуманное в чьих-то интересах и интенсивное смысловое разграничение понятий «русский язык» и «государственный язык», доводимое чуть ли не до противопоставления денотатов (об этом следует говорить особо), повсеместное следование орфографическим постулатам не подлежит обсуждению – как выполнение санитарно-гигиенических рекомендаций при пандемии.

Выводы и заключение. Исходя из сакрального статуса русского языка как одного из ключевых символов государства, следует жестко упорядочить соблюдение имеющихся правил русской письменной речи. Целесообразно также регулярное издание постоянно дополняемых орфографических словарей – при их обязательном официальном утверждении.

⁶ Путин В.В. Заседание Совета. 2019.

⁷ Конституция. 2009. С. 4.

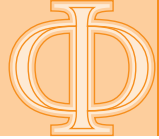
⁸ Во всех жанрово-тематических текстах, предназначенных для публичного оборота, например рекламных. Судя по оформлению последних, редакторам СМИ ничего не известно о правилах русской пунктуации (иногда – и орфографии). Допустим, что это – область компетенции маркетологов. Любопытно, однако, было бы узнать, насколько эффективны такие приемы, и не только в коммерческом отношении, но и для пропаганды тлетворного права на безграмотность.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 608 с. URL: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_51.html (дата обращения: 20.01.2021).
2. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013. 660 с.
3. Васильев А.Д. Письменность, алфавиты, орфография: история и современность. Красноярск, 2018. 164 с.
4. Васильев А.Д. Российская языковая политика 1991–2005 гг. Красноярск, 2008. 176 с.
5. Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М., 1972. 320 с.
6. Голев Н.Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 5–17.
7. Григорьева Т.М. «Орфографическая распря» в истории русского языка // Язык и социальная действительность. Красноярск, 2011. № 1. С. 19–28.
8. Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 2004. 456 с.
9. Замятин Е.И. Последняя сказка про Фиту // Замятин Е.И. Избранные произведения. М., 1989. С. 518–521.
10. Заседание Совета по русскому языку 5 ноября 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата обращения: 20.01.2021).
11. Ионин Л. Политкорректность: дивный новый мир. М., 2012. 112 с.
12. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2002. 832 с.
13. Ключевский В.О. Письмо П.П. Гвоздеву // Ключевский В.О. Собр. соч.: в 9 т. М., 1990. Т. IX. С. 129–138.
14. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. Изд. 2-е. М., 2003. 216 с.
15. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 2009. № 7 (4831). 21 января. С. 3–5.
16. Крысин Л.П. Языковая норма в проекции на современную речевую практику // Русский язык сегодня. М., 2006. Вып. 4: Проблемы языковой нормы. С. 294–311.
17. Лопатин В.В. О новом своде правил русского правописания // Русский язык в школе. 2001. № 2. С. 55–60.
18. Набоков В.В. Подвиг // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1990. Т. 2. С. 155–296.
19. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М., 2007. 480 с.
20. Прилепин З. Действительно не понимаю // Прилепин З. Terra Tartarara: Это касается лично меня. М., 2009. С. 29–37.
21. Прилепин З. К нам едет Пересвет // Прилепин З. Я пришел из России. СПб., 2008. С. 196–199.
22. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. М., 1953. 198 с.
23. Текучев А.В. Об орфографическом и пунктуационном минимуме в средней школе. М., 1982. 111 с.
24. Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 56–62.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-13-1-66>

SPELLING NORM AS SACRED PHENOMENON

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The norm is an extremely important category that serves to regulate the diverse activities of society. With the help of ideas about the norm, an axiological scale is formed. Depending on the fundamental circumstances this scale is subject to remarking: the sacred and the profane change places.

This also applies to issues of language policy, most clearly found in the field of spelling. It is in establishing uniform rules of spelling and punctuation that the state manifests its will in the most visible way.

The purpose of the article is sociolinguistic analysis of spelling reforms and their results.

Research methodology. Sociolinguistic analysis involves the analysis of language phenomena on the basis of the stated concept in specific historical and social conditions, as well as taking into account social, psychological, and linguistic characteristics of the audience to which they are aimed.

The results of the study. The history of the Russian language knows cases of radical spelling reforms. However, the most famous of them (1917), when spelling was drastically simplified to facilitate its mastering by people at large, entailed very negative psychosocial ramifications, in effect, a sharply contemptuous disregard of rules.

The most recent example of the project for the Russian spelling reform in the 21st century was developed in 2007, but did not receive official approval.

Conclusions. Russian should be strictly regulated in accordance with the existing rules of the Russian written language, based on the sacred status of the Russian language as one of the key symbols of the state. It is also advisable to regularly publish constantly updated spelling dictionaries after their mandatory official approval.

Keywords: *Russian language, spelling and punctuation rules, spelling reforms, psychosocial and sociocultural ramifications of reforms, spelling settings as sacred values.*

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. M., 1966. 608 p. URL: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_51.html (accessed: 20.01.2021).
2. Vasil'ev A.D. Word games. Manipulative operations in media texts. St. Petersburg, 2013. 660 p.
3. Vasiliev A.D. Writing, alphabets, orthography: history and modernity. Krasnoyarsk, 2018. 164 p.
4. Vasilev A.D. the Russian language policy 1991–2005. Krasnoyarsk, 2008. 176 p.
5. Veselitskiy V.V. Abstract vocabulary in the Russian literary language of the XVIII – early XIX centuries. M., 1972. 320 p.
6. Golev N.D. Features of modern everyday metalanguage consciousness in the mirror of discussion of issues of language construction // Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2008. No. 3 (4). P. 5–17.
7. Grigorieva T.M. “Orthographic strife” in the history of the Russian language // Language and social reality. Krasnoyarsk, 2011. No. 1. P. 19–28.
8. Grigorieva T.M. Three centuries of Russian orthography (XVIII–XX centuries.). M., 2004. 456 p.
9. Zamyatin E.I. the Last tale about the fit // Zamyatin E. I. Selected works. M., 1989. P. 518–521.

10. Meeting of the Russian Language Council on November 5, 2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (accessed: 20.01.2021).
11. Ionin L. Political correctness: brave new world. M., 2012. 112 p.
12. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness. M., 2002. 832 p.
13. Klyuchevsky V.O. Letter to P.P. Gvozdev // Klyuchevsky V.O. Col. works: in 9 vol. M., 1990. Vol. IX. P. 129–138.
14. Komlev N.G. Word in speech. Denotative aspects. Ed. 2. M., 2003. 216 p.
15. The Constitution of the Russian Federation // Rossiyskaya gazeta. 2009. No. 7 (4831). January 21. P. 3–5.
16. Krysin L.P. Linguistic norm in projection on modern speech practice. Russian language today. Problems of the language norm. M., 2006. Is. 4. P. 294–311.
17. Lopatin V.V. Russian Russian Language at School: About the new set of rules of Russian spelling. 2001. No. 2. P. 55–60.
18. Nabokov V.V. Podvig // Nabokov V.V. Col. works: in 4 vol. 1990. Vol. 2. P. 155–296.
19. Rules of Russian spelling and punctuation. Complete academic reference book. M., 2007. 480 p.
20. Prilepin Z. I really don't understand // Prilepin Z. Terra Tartarara: This concerns me personally. M., 2009. P. 29–37.
21. Prilepin Z. To us goes Peresvet // Prilepin Z. I came from Russia. St. Petersburg, 2008. P. 196–199.
22. Saltykov-Shchedrin M.E. History of a city. M., 1953. 198 p.
23. Tekuchev A.V. On the orthographic and punctuation minimum in secondary school. M., 1982. 111 p.
24. Shcherba L.V. Illiteracy and its causes // Shcherba L.V. Selected works on the Russian language. M., 1957. P. 56–62.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-13-1-67>

УДК 81'44

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ» (НА ПРИМЕРЕ ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ХУЛУНБУИРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Фэн Гуан (Хайлар, Китайская Народная Республика)

Аннотация

Дружба и сотрудничество между Китаем и Россией уходит в далекое прошлое. В XXI в. импульс этим отношениям дала китайская инициатива «Один пояс – один путь», которая активизирует сотрудничество между двумя странами по всем направлениям, а это, в свою очередь, значительно способствует большому спросу на специалистов с высшим образованием, профессионально владеющих русским языком. Отвечая на эти потребности, в Китае все больше образовательных учреждений открывают специальности, связанные с изучением русского языка.

В Хулунбуирском университете специальность «Русский язык» была основана 30 лет назад, но дисциплина «Переводоведение» появилась в учебной программе только 5 лет назад. Хотя доступных материалов для обучения этому предмету достаточно много, в процессе практической работы существует несколько сложностей: отсутствие опыта преподавания новой дисциплины, потребность в повышении квалификации и профессиональной переподготовке преподавателей по обучению переводоведению, трудность в подборе учебных пособий, обновление методов обучения при современной технике, трудность для студентов в практическом переводе и др. В статье рассматриваются все эти проблемы и способы их решения.

Ключевые слова: *переводоведение, обучение переводу, процесс перевода, письменный перевод, методы обучения, повышение квалификации.*

Постановка проблемы. В Хулунбуирском университете специальность «Русский язык» за 30 лет получила большое распространение, но до 2015 г. не была открыта дисциплина «Переводоведение» из-за отсутствия некоторых условий. На фоне эпохи глобализации и инициативы «Один пояс – один путь» особое место среди практических навыков владения русским языком занимают навыки перевода. Ведь специалисты-переводчики необходимы во многих сферах и владение навыками перевода оказывается очень полезным в практической работе выпускников как в государственных или культурных организациях, так и в частных коммерческих компаниях [Латышева, Романов]. Кроме того, перевод уже был внесен во вступительные экзамены в магистратуру по русскому языку в качестве необходимого задания. Таким образом, появление «Переводоведения» стало тенденцией и у нас в 2015 г. открыли данную дисциплину.

Дисциплина «Переводоведение» входит в учебный план студентов-четверокурсников, которые прошли основной и высший уровень русского языка, имеют хорошую основу грамматики. Данная дисциплина относится к специальному факультативу и носит практический характер. Цель дисциплины – развивать у студентов навыки двустороннего перевода. Понимая сходства и различия между китайским и русским языками и культурами, а также закладывая прочную основу русского языка, студенты будут развивать свои языковые и коммуникативные навыки, смогут сочетать теорию с практикой для выполнения основных задач двустороннего перевода.

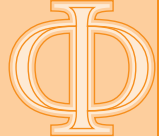
В учебное пособие Цун Япин «Практическое пособие по переводу» (2016) включены разделы, посвященные разным стилям русского языка: деловому, газетному, научному, художественному и разговорному. В каждой главе 37 тем, в каждой теме даются задания на анализ перевода, подсказки способа перевода, упражнения, нацеленные на формирование навыков перевода.

Цель статьи – анализ сложностей в преподавании русского языка в Хулуибуи-ирском университете.

Обзор литературы. Статей, рассматривающих обучение переводу, на русском и китайском языках достаточно много, и многие из авторов лично были преподавателями, имеют богатый педагогический опыт, что создает банк «полезных ресурсов». Но в данных статьях авторы часто описывают свой университет и учащихся как объект исследования, на самом деле каждый вуз имеет собственную специфику: географическое положение, источник студентов, цель подготовки выпускников и др. В представленной статье будут проанализированы самые главные трудности в ходе создания учебной дисциплины «Переводоведение» с русского на китайский язык и с китайского на русский язык в Хулуибуи-ирском университете. Среди них: отсутствие подходящих пособий, нехватка теоретического и практического опыта преподавателей в обучении переводу, необходимость обновления методов обучения, трудности обучения студентов живому переводу и способы принятия решения.

Результаты анализа

1. Выбор учебных пособий: в китайских университетах распространены уже напечатанные учебники и редко используются материалы, составленные самими преподавателями. Первый набор учебников, принятый нами со времени введения дисциплины «Переводоведения» в 2015 г., это «Пособие по переводу с русского языка на китайский» и «Пособие по переводу с китайского языка на русский», вышедшие в издательстве Шанхайского университета иностранных языков в 2012 г. Преимущество этих учебников состоит в том, что подробно разделяются теории перевода и к каждой теории приложены соответствующие задания, что полезно для систематического обучения и максимального сочетания преподавания с тренировкой. Но проблема в том, что доля теории, предлагаемой студентам, слишком велика, что не соответствует цели подготовки выпускников – практических переводчиков. Кроме того, в учебниках часто встречаются в каче-

стве примеров длинные и трудные фразы. Возьмем фразу, например: «Ты, Филька, ты прямой чурбан. В швейцары произвел ленивую тетерю. Не знает ни про что, не чуёт ничего» (你, 菲利卡, 一个大傻瓜。门房里样了这么一个笨懒蛋, 什么也不闻, 什么也不问). Эта фраза находится в главе «Перевод слов с эмоциональной оценкой», но сама по себе она очень трудна из-за многих незнакомых студентам слов, не говоря уже о понимании их эмоциональной оценки. Наш второй учебник называется «Практическое пособие по переводу», он издан издательством преподавания и исследования иностранных языков в 2016 г. Данный учебник отличается множеством практических упражнений перевода на основе живых материалов на разные темы. Единственная проблема заключается в том, что материалы немного устарели, особенно когда речь идет о новостях, речах и интервью, что не помогает студентам как в подготовке к вступительному экзамену в магистратуру, так и в трудоустройстве. В результате преподавателям пришлось самим сочетать свежие, популярные и интересные материалы из Интернета или публичного аккаунта в некоторых социальных сетях с теориями перевода (способами и методами) для подготовки урока. Такое сочетание позволяет учащимся своевременно усваивать самые важные слова и выражения текущего времени и лучше осваивать теоретические процессы перевода. Но с другой стороны, качество этих «сырых и неэффективных» материалов, обработанных преподавателями, не гарантирует точность. Переведенный текст может не соответствовать оригиналу. Возьмем фрагмент новости из Интернета, например: «2月下旬, 体育总局经济司副司长彭维勇曾明确表示……». Перевод в публичном аккаунте в WeChat был такой: «Во второй декаде февраля замглавы департамента по экономическим вопросам Главного государственного управления КНР по делам физкультуры и спорта Пэн Вэйъюн заявлял, что...». Здесь «во второй декаде» является ошибкой, правильный перевод должен быть «в третьей декаде». Кроме того, многие студенты не знают слово «декада», было бы лучше, если бы перевели «в конце февраля». В связи с этим преподаватели должны очень тщательно выбирать и изучать материалы, обрабатывать перевод в ходе подготовки к уроку.

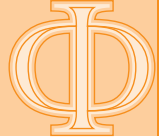
2. Повышение квалификации и профессиональная переподготовка преподавателей: в настоящее время главные проблемы с преподавателями, занимающимися направлением перевода, состоят в нехватке педагогического опыта и недостатке квалифицированных преподавателей-переводчиков. Для накопления опыта необходимо пройти извилистый и долгий путь, постоянно переосмысливать и анализировать достигнутое. Конечно, нам доступен опыт других преподавателей благодаря удобной информационной системе. Кроме того, у нас часто посылают преподавателей принимать участие в семинарах по повышению квалификации, чтобы обмениваться опытом с преподавателями других университетов. Однако в нашем университете есть свои особенности. Большинство выпускников будут работать на предприятиях, в отрасли туризма и торговли, другая часть может поступить в магистратуру. В связи с этим цель подготовки выпускников заключается в том, чтобы удовлетворить рыночный спрос и оказать помощь в подготовке

вступительных экзаменов в магистратуру. Преподаватели должны изучить ситуацию востребованности: какие специалисты более конкурентоспособны на рынке труда и, соответственно, какие задания по переводу часто появляются на экзаменах. Все это заложит основу для накопления опыта и тем самым исследования модели обучения.

Что касается повышения квалификации преподавателей-переводчиков, то это тоже очень важный момент. Ведь перевод – это не просто «слушать, говорить и писать», а уже другая наука с определенным профессиональным уровнем, требующая от преподавателей навыков не только обучения русскому языку, но и перевода. Так же, как хороший тренер должен вырастить хорошего спортсмена, хороший учитель – хорошего ученика, хороший преподаватель перевода должен из студента вырастить хорошего переводчика, знающего все особенности этой профессии. Таким образом, преподаватели переводоведения должны изучить не только методы обучения, но и сам процесс перевода и, если возможно, активно участвовать в практике в качестве переводчиков, т.е., помимо овладения русским языком, квалифицированные преподаватели должны иметь твердое обоснование теории перевода, широкий спектр теоретических знаний и обладать широким кругозором, всесторонней начитанностью, высокой эрудированностью и пр.; должны постоянно пополнять, углублять и совершенствовать знания русского и китайского языков, отыскивать и применять новую информацию по технике перевода, использовать различные справочники, словари и интернет-ресурсы. Кроме того, должны быть добросовестными, высокоответственными, активными и общительными. Словом, должны постоянно стремиться к совершенству, чтобы справиться с работой. Как говорится: «Чтобы дать ученику искорку знаний, учителю надо впитать целое море света».

3. Обновление методов обучения. Всем известно, что в традиционном методе обучения переводу есть много недостатков: ведущая роль преподавателя и зависимость студента, разрыв теории и практики, отсутствие возможности внеаудиторных занятий и др. [Лю Цзябэй, Сюй Хун, 2016], что вызывает необходимость разработки новой модели обучения. Существуют достаточно много статей, в которых обсуждаются вопросы о наиболее эффективных методах обучения переводу. По новой модели обучения изменилась роль студентов, из пассивных слушателей они перешли к роли активных участников. Студенты могут лично участвовать в переводе на практике, сотрудничать с членами группы, обсуждать возможные пути решения задач перевода, чтобы получить хорошие результаты, а преподаватель в аудитории является организатором и тренером действий студентов. Благодаря этому опыту мы получаем не только хорошие идеи, но и конкретные способы их реализации. Мы можем устроить открытый показ виртуальной работы переводчиков, например переговоры, официальный банкет, подписание контракта и т.д., для тренировки будущих переводчиков. Но это не универсальный способ для повышения работоспособности будущих переводчиков, эффективность урока заключается в том, чтобы студенты добились

успеха и научились работать в разных коммуникативных ситуациях. Представим себе такую ситуацию на занятии, когда одна группа устроила переговоры о заключении контракта в сельском хозяйстве, другая группа – дипломатическое интервью, третья устроила научную конференцию... В каждой сфере собственные слова, выражения и специальные термины, которые запомнить и произносить студентам и в своей группе трудно, не говоря уже о других студентах, которые участвуют как зрители. Преподаватель тоже не может владеть знаниями во всех областях в совершенстве, чтобы дать объективную оценку выступлению группы. Мы никак не против новой модели обучения, ведь она является продуктом своего времени, представляет прогресс педагогической мысли, но нужно обратить внимание на следующие моменты:

а) постановка темы:

прежде чем проводить открытый показ, преподавателям надо установить предел, чтобы все студенты работали над аналогичными словами и выражениями. И преподавателю надо заранее ознакомиться со сценарием, чтобы в нем не было слишком много ошибок. Кроме того, хотя перевод является практической работой, но без теории с ним не справиться, поэтому преподаватели должны предварительно заниматься со студентами соответственной теоретической деятельностью, чтобы студенты смогли уделить внимание различным деталям во время подготовки. Наконец, не все темы подходят для открытого показа. Студенты могут показать, как устроить банкет, переговоры, встречу в аэропорту, в которых больше живых диалогов, что тренирует способность реагировать на неожиданные моменты. Но в новостях преподавателю надо больше обращать внимание на формат и стиль языка; в художественных произведениях – на анализ структуры предложений, определенные выражения, пословицы, поговорки и т.д.; в научных статьях важно овладение техническим терминологическим аппаратом. Одним словом, нужно применять методы, соответствующие формату деятельности. Для тренировки перевода таких статей, как новость, художественные произведения и научные работы, лучше употреблять способ синхронного перевода с листа в качестве практической тренировки;

б) конструктивная критика:

комментарии преподавателя к работе студентов – самый важный момент после завершения практических заданий. Как бы ни было удачно и оживленно студенческое выступление, без комментариев со стороны преподавателя оно бессмысленно. Преподавателю необходимо оценить работу студента, объяснить плюсы и минусы, подвести итоги, обобщить опыт, на основании которого студенты будут развиваться. Лучше эту часть занятия провести в форме сотрудничества преподавателя со студентами. Несомненно, преподаватель должен играть ведущую роль, чтобы мероприятие было продуктивным.

Кроме того, в чрезвычайной ситуации (во время пандемии нового типа коронавируса) было нереально провести контактные занятия, в этом случае мы пробовали дистанционное сотрудничество таким образом, что студенты сначала вы-

полняли домашнее задание в группе, а на уроке студенты других групп находили ошибки, проверяли, обсуждали результат. Преподаватель делал решающие выводы как руководитель и тренер.

4. Трудности для студентов в переводе и способы принятия решения. За пять лет обучения мы обнаружили, что примеры и теория перевода, представленные в существующих учебниках, не могут решить сложные и изменившиеся проблемы в реальности. Многие вещи уже устарели для нового поколения. Например, «квас» уже стал популярным напитком в Северо-Восточном Китае, так что совсем не нужно сопровождать комментариями это транскрибированное слово (格瓦斯). По этим причинам преподаватели уделяют большее внимание трудностям в живых упражнениях перевода. Применяя новые теории перевода, решаем реальные проблемы:

а) перевод многозначных слов:

Полисемия – многозначность, многовариантность, то есть наличие у слова (единицы языка, термина) двух и более значений, исторически обусловленных или взаимосвязанных по смыслу и происхождению [4]. Но, к сожалению, эти взаимосвязанные значения многозначного слова в исходном языке могут быть совсем не похожими в переводе на другой язык.

Давайте посмотрим предложение: «...Когда он учился в школе, он долго не мог решить, кем стать... А может быть, спортсменом? „Первый спортсмен школы”, – говорили о нем его учителя и товарищи». Немало студентов перевели так: «他是学校的第一个运动员». (Значит, до него не было спортсменов в школе.) Поэтому что они помнят лишь «первый – ранний, произошедший или существовавший раньше других». А на самом деле у этого слова еще другое значение: лучший, не имеющий себе равных. Поэтому нам необходимо рассмотреть контекст, чтобы определить подходящее китайское слово. В тексте написано «Когда он учился в школе, он долго не мог решить, кем стать. Может быть, музыкантом? И преподаватели говорили о его большом музыкальном таланте. А может быть, спортсменом?». Отсюда видно, ему было трудно выбрать профессию именно из-за того, что он отличался (太优秀) в нескольких областях.

Посмотрим другое предложение: «Бедное отечество наше ни при одном из прежних государей своих не было так несчастливо, как при этом князе, не имевшем никаких достоинств». Студентка перевела так: «我们贫穷 (нищее) 的祖国从来没有像在这位国君统治时期遭遇过这样的不幸, 他简直没有任何尊严» (самоуважение). Слово «бедный» имеет значения: 1) такой, у которого не хватает денежных или иных средств для поддержания нормальных условий жизни, малоимущий, имеющий недостаточно средств или относящийся к малоимущим людям; 2) недостаточный, имеющий малое количество чего-либо (часто с твор. п.); 3) несчастный, попавший в беду, жалкий [5]. Очевидно, что студентка просмотрела третье значение, которое является правильным переводом. У слова «достоинство» есть значения: 1) положительное, желательное качество; 2) уважение к себе, осознание своих прав, своей значимости, независимость взглядов,

суждений; 3) внешнее проявление уважения к себе... [6]. Какое значение нужно выбрать в зависимости от контекста, в котором написано: «Бедное отечество наше... не имевшем никаких достоинств. При нем половцы беспрестанно нападали на города и деревни... При нем Олег... ворвался во владения Мономаха и принудил этого храброго князя отдать ему Черниговскую область... При нем один из русских князей сделал такое злодейство, что...». Отсюда видим, слово «достоинство» значит: положительное, желательное качество. Лучше перевести как «其治理乏善可陈» (У него нет никакой способности владеть государством.) При работе с текстом, чтобы избежать неграмотного перевода, необходимо обращаться в контексту. Кроме того, после перевода части текста мы должны отложить исходный текст в сторону и тщательно почитать переводимый текст с точки зрения читателей, чтобы найти труднопонимаемые места. Только так сможем точно найти суть проблемы и быстро решить ее;

б) различия в семантических оттенках между исходным языком (ИЯ) и переводимым языком (ПЯ):

мы часто сталкиваемся с такой ситуацией, когда одно слово в ИЯ и ПЯ имеет разный семантический оттенок. Например, «дядя» имеет широкий семантический диапазон в русском языке, что обозначает «叔叔、舅舅, 大伯» (младший и старший брат папы, младший и старший брат мамы), в китайском языке значения отличаются. Также в китайском языке «帽子» может обозначать «шапку, шляпу, кепку...». В практических упражнениях это тоже часто является трудностью для перевода студентами. Давайте рассмотрим следующие предложения: «Основным героем славянских сказок является Змей Горыныч, стерегущий „Калинов мост” – мост через реку Смородину в русских былинах, соединяющий миры живых и мертвых. Многоглавый огнедышащий дракон – представитель зла. Количество голов у него в славянской мифах различное – от трех и до двенадцати. Некоторые студенты неверно истолковали значения слов, подумав, что это описание двух животных – змеи и дракона. Мы нашли в словаре такой комментарий: Змей Горыныч – огнедышащий дракон, имеющий несколько голов [7]. Оказалось, что Змей Горыныч и огнедышащий дракон – это одно и то же. Викисловарь тоже свидетельствует, что они не являются двумя совершенно разными животными, как в китайской концепции. (Дракон – сказочное чудовище в виде крылатого огнедышащего змея [8]). Учитывая вышеизложенное, мы должны перевести либо как «Змей Горыныч», либо как «злой дракон»;

в) перевод имен собственных в названиях географических объектов:

нам известно, что при переводе географических названий стоит искать официально принятый вариант в словарях, справочниках, энциклопедиях. А если не найдем, тогда можно сделать транслитерацию или описательный перевод. Но ситуация в практических упражнениях намного сложнее. Как переводчики, мы всегда должны учитывать способность восприятия читателей, которые не знают язык оригинала и, возможно, не очень хорошо разбираются в культуре оригинального языка. Русское именование дается нам сложно. Официальное имя,

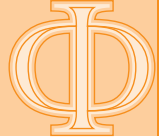
ласковое имя, фамилия, отчество могут часто меняться в произведении, что не влияет на чтение русских читателей, но китайским читателям приходится постоянно возвращаться к «прочитанному месту», чтобы разобраться в отношениях между персонажами. Рассмотрим фрагмент из текста: «В ходе тренировок Валя теряла сознание, ее выносили на свежий воздух, приводили в себя. Терешкова, сдерживая слезы, продолжала тренировки... Говорят, что во время полета Валентину постоянно рвало, она теряла сознание...». По контексту мы понимаем, что Валя, Терешкова и Валентина – одно и то же лицо. Автор в тексте оригинала при помощи изменения форм обращения выражает тонкие чувства к героине, но если наши переводчики не справятся с этим, читатели, возможно, примут их за имена трех разных людей. В такой ситуации нам можно перевести так: прибавить имя к фамилии, чтобы оно носило официальное обращение «捷列什科娃·瓦莲京娜»; прибавим слово «小» к имени «小瓦莲京娜», чтобы выразить простую, живую и ласковую сторону характера героини. Таким образом, как переводчикам нам нельзя просто переводить один язык на другой, нужно гибко использовать различные методы перевода, чтобы читатель понял содержание текста точно так же, как реципиент оригинала понимает исходное [Латышев, 2008].

Географические названия также не могут быть переведены по одному определенному методу (транслитерация, описательный перевод, официально принятый вариант и т.д.). Конкретная проблема требует конкретного анализа и гибкого использования, иногда даже объединения нескольких методов.

Рассмотрим следующий фрагмент из «Истории России в рассказах»: «Бояре и жители владимирские также строили дома в любимом месте государевом, так что скоро появился около церкви целый город. Андрей Георгиевич назвал его Боголюбовом. Он очень любил этот город и от него получил название Боголюбского». Если мы переведем город «Боголюбский» по транслитерации прямо на «博戈柳博沃», то он потеряет много культурных значений, потому что здесь рассказывается именно о происхождении названия этого города, которое символизирует любовь Андрея Георгиевича к нему. Поэтому необходимо дать в скобках комментарий после транслитерации;

д) влияние отличий национального менталитета и языковой переводческой привычки:

при всех универсальных правилах мышления человечества в целом мы видим различия в мышлении разных народов, что обусловлено многими факторами, такими как история, культура и привычки. И эти различия неизбежно отразятся на языках, формируя определенные выражения, что приводит к недочетам переводчиков, которые не знакомы с этими выражениями. Например, «чего только нет» часто переведено студентами как «ничего нет»; «если не больше» часто переведено как «если не меньше»; «ждать письма с нетерпением» – как «надоело ждать». Это требует от нас постоянной тренировки и практики, чтобы умело и быстро провести трансформацию мышления. Посмотрим следующий фрагмент из сказки: «...а самая полненькая Шапочкина хотела непременно стать стройной

и возмущалась, почему у нее незагорелые руки и...». Многие студенты перевели буквально. Но дело в том, что в китайской культуре загорелый цвет кожи считают признаком тяжелой работы, а в русской современной культуре загар символизирует отдых и привлекательность. Поэтому здесь мы можем перевести так: «抱怨自己的双臂为什么不是健康的小麦色» (здоровый и пшеничный цвет), чтобы добиться переводческой эквивалентности.

Заключение. В данной статье мы рассмотрели трудности в преподавании предмета «Переводоведение» и предложили методы и способы для их решения. Но создание и внедрение новой дисциплины является комплексом мер, требующим постоянного исследования, изучения, практики и обобщения, чтобы в наибольшей степени достигнуть цели учебного плана и всесторонне улучшить уровень обучения.

Библиографический список

1. Латышева С.И., Романов С.В. Теория перевода и проблемы обучения переводу. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-perevoda-i-problemy-obucheniya-perevodu>
2. Латышев Л.К. Технология перевода. М.: Академия, 2008. 320 с.
3. Лю Цзябэй, Сюй Хун. Развитие обучения русскому переводу. «Мастерская перевода» // Педагогическое образование в России. 2016. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-obucheniya-russkomu-perevodu-masterskaya-perevoda>” (дата обращения: 02.11.2020).
4. URL: <https://wikipedia.tel/Полисемия> (дата обращения: 02.11.2020).
5. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/бедный> (дата обращения: 02.11.2020).
6. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/достоинство> (дата обращения: 02.11.2020).
7. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/змея_горыныч (дата обращения: 02.11.2020).
8. URL :<https://ru.wiktionary.org/wiki/дракон> (дата обращения: 02.11.2020).

Сведения об авторе

Фэн Гуан – магистр филологии, заместитель заведующего кафедрой русского языка, Хулунбуирский университет (Китайская Народная Республика, Хайлар); e-mail: 979138429@qq.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-13-1-67>

ON TEACHING A COURSE IN TRANSLATION STUDIES (ON THE EXAMPLE OF THE FOREIGN LANGUAGES DEPARTMENT AT THE HULUNBUIR UNIVERSITY)

Feng Guang (Hailar, People's Republic of China)

Abstract

Friendship and cooperation between China and Russia have a long history. In the 21st century, the impetus to these relations was given by the Chinese Belt and Road Initiative. This program which intensifies cooperation between the two countries in many areas and, in turn, significantly contributes to a great demand for specialists with higher education who are proficient in Russian. Responding to these needs, more and more educational institutions in China are offering specialties related to the study of the Russian language.

At the Hulunbuir University, the *Russian Language* specialty was founded in 1990, while the course in Translation Studies was included in the curriculum in 2015. With sufficient amount of available material for teaching this course, in effect, there are several difficulties which are encountered:

- lack of experience in teaching a new course;
- need for advanced training and retraining of teachers in Translation Studies;
- difficulty in selecting appropriate textbooks;
- need to constantly update teaching methods in accordance with modern technology development;
- issues experienced by students in practical translation, etc.

This article discusses all these difficulties and ways to overcome them.

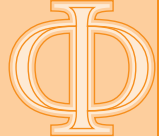
Keywords: *translation studies, translation training, translation process, written translation, teaching methods, advanced training*

References

1. Latysheva S.I., Romanov S.V. Theory of translation and problems of teaching translation // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-perevoda-i-problem-obucheniya-perevodu>
2. Latyshev L.K. Technology of translation. M.: Akademiya, 2008. 320 p.
3. Liu Jiabei, Xu Hong. The development of teaching Russian as a translation of “Workshop translation // Pedagogical education in Russia. 2016. No. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-obucheniya-russkomu-perevodu-masterskaya-perevoda> (accessed: 02.11.2020).
4. URL: <https://wikipedia.tel/Полисемия> (accessed: 02.11.2020).
5. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/бедный> (accessed: 02.11.2020).
6. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/достоинство> (accessed: 02.11.2020).
7. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/змея_горыныч (accessed: 02.11.2020).
8. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/дракон> (accessed: 02.11.2020).

About the author

Feng Guang – Master of Philology, Deputy Head of the Department of Russian Language, Hulunbuir University (Hailar, Inner Mongolia, People's Republic of China); e-mail: 979138429@qq.com.

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-13-1-68>

УДК 81'234

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА РУССКОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ С УЧЕТОМ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ МОЗГА (НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

К.Е. Устьянцева (Красноярск, Россия)

Аннотация

В настоящее время индивидуальные особенности функциональной асимметрии мозга учащихся редко учитываются при организации процесса обучения иностранному языку. Целью статьи является теоретическое обоснование необходимости учета индивидуальных особенностей межполушарной асимметрии при обучении грамматике испанского языка. Рассматриваются основные положения теории функциональной асимметрии мозга и их связь с процессом обучения, типы мышления, особенности изучения грамматики испанского языка русскоязычными учащимися.

Методами исследования являются анализ научной литературы, метод классификации.

Результат исследования заключается в обосновании необходимости учета профиля латеральной организации, а также в классификации типов упражнений в соответствии с доминантным полушарием учащихся.

Ключевые слова: функциональная асимметрия мозга, доминантное полушарие, правополушарная доминантность, левополушарная доминантность, сравнительная грамматика.

В последние годы исследователи в области обучения обращают особое внимание на принадлежность учащегося к тому или иному латеральному фенотипу, который определяется лево- или правополушарной доминантностью головного мозга человека. В настоящее время, однако, при обучении иностранному языку редко учитывается индивидуальный профиль латеральной организации, что позволило бы организовать учебный процесс не только в соответствии с индивидуальными потребностями, но и индивидуальными способностями учащихся. Так, **актуальность** данной работы заключается в возможности повысить эффективность процесса обучения русскоговорящих студентов грамматике испанского языка.

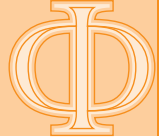
В настоящей работе, вслед за Е.Д. Хомской, под межполушарной асимметрией мозга понимается «неравноценность, качественное различие того „вклада“, который делают левое и правое полушария мозга в каждую психическую функцию; различия в мозговой организации высших психических функций в левом и правом полушариях мозга» [Хомская, 2005, с. 29]. Термины «функциональная асимметрия» и «межполушарная асимметрия» принимаются за равнозначные [Там же].

Впервые данный феномен упоминает в 1836 г. Марк Дакс, обнаруживший у больных с потерей речи признаки повреждения левого полушария головного мозга [Manning, Thomas Antérion, 2011]. В 1844 г. А. Виган пишет «Трактат о двойственности мозга», в котором защищает идею двойственного сознания человека. По мнению автора, двойственность сознания доказывается способностью человека видеть себя со стороны, сдерживать импульсы и управлять своими патологическими склонностями. Исследователями также приводились примеры сохранности психики в отдельных случаях односторонней мозговой патологии [Семенович, Ковязина, 2016, с. 5]. В середине XIX в. наблюдается развитие афазиологии. Афазиология – это «ветвь неврологии и медицинской психологии, являющаяся пограничной с логопедией научной дисциплиной, изучающая речевые расстройства (преимущественно афатические), а также вопросы взаимоотношения мышления и речи и другие „паралингвистические” проблемы, изыскивающие средства и методы коррекции афатических расстройств» [Чупров, 2012, с. 23]. Проблемой функциональной организации мозга занимается Франц Галль: в процессе работы с исключительными группами людей (преступниками, вундеркиндами и сумасшедшими) ученый выделяет 27 областей мозга, отвечающих за 27 различных функций, среди которых и функция речи, центр которой находится в лобных долях мозга. Однако Галль считает, что мозг симметричен и его полушария обладают идентичными функциональными блоками [Eling, Finger, 2020, с. 326]. В 80-х гг. XIX в. Поль Брока, опираясь на труды Галля, предлагает эффективный метод изучения связей между структурой мозга и когнитивными функциями, благодаря чему считается основоположником нейропсихологии [Cubelli, De Bastiani, 2011, p. 147]. Через 10 лет концепция доминантности полушарий стала основной точкой зрения на межполушарную асимметрию мозга.

Долгое время для оценки функциональной асимметрии индивида применялся метод показательно-мануального предпочтения, однако данный подход не позволяет в полной мере описать индивидуальность строения мозга. Для более полного представления об уникальном характере распределения функций между полушариями необходимо выявить лево-правое соотношение всех моторных и сенсорных систем. Сочетания разных типов асимметрии характеризуют работу мозга как единого парного органа и по большей степени являются генетически детерминированными. Существует связь между характером распределения между левым и правым полушариями анализаторных функций и индивидуальными особенностями протекания психических функций и состояний [Хомская, 1998]. Для обозначения право-левого соотношения функций анализаторных систем было введено понятие «профиль латеральной организации» [Хомская, Ефимова, 1991]. В работах других ученых это понятие звучит как «индивидуальный профиль асимметрии» (Брагина, Доброхотова, 1981).

Существуют различные классификации типов латеральной асимметрии. Е.Д. Хомская выделяет пять типов латеральной асимметрии, среди которых правши

и левши (с абсолютным правым или левым доминированием признаков), а также праворукие, леворукие и амбидекстры (с разными вариантами доминирования уха и глаза) [Хомская, 1991]. И.В. Ефимова делит типы профиля латеральной организации мозга на правый (сочетание только правых асимметрий), преимущественно правый (левая асимметрия только одного парного органа), смешанный (равнозначное распределений левых и правых асимметрий), преимущественно левый (правая асимметрия только одного правого органа) и левый (сочетание только левых асимметрий) [Ефимова, 2007].

Данные афазиологии показывают наличие в мозгу как минимум трех механизмов, среди которых лексический (механизм хранения единиц), синтаксический (механизм сочетания единиц) и морфологический (механизм преобразования базовых единиц в небазовые) [Алпатов, 2016, с. 31]. В настоящей статье мы рассмотрим синтаксический и морфологический механизмы, непосредственно связанные с освоением грамматики.

Ливер Бетти Лу предлагает выделять два типа мышления среди учащихся: дедуктивный (или абстрактно-линейный), наблюдающийся у людей с доминантностью левого полушария, и индуктивный (или конкретно-линейный), характерный для учащихся с ведущим правым полушарием [Ливер, 1995]. Проведенный исследователем анализ учебных материалов для изучения иностранных языков показал, что большинство учебников ориентированы на представителей левополушарной доминантности, то есть учащихся с линейно-абстрактным типом мышления. И.С. Сон пишет, что такие учебные материалы представляют информацию последовательно, позволяя учащемуся концентрироваться на деталях. Левое полушарие является доминантным в процессе запоминания вербальных стимулов, отвечает за вербальные способы передачи и восприятия информации. Следовательно, учащимся с ведущим левым полушарием легко дается запоминание списков слов, а грамматические правила эффективнее осваиваются при их вербальном толковании. Такие учащиеся обращаются к знаковой системе родного языка, а в процессе говорения стремятся к контролированию грамматической правильности речи; им необходимо большое количество тренировочных упражнений с вариантами ответа, в основе которых лежит выделение деталей. Учащимся с доминирующим правым полушарием легче дается запоминание целых синтаксических структур и временных периодов, они в меньшей степени совершают пунктуационные ошибки. Таким учащимся не требуется вербальное формулирование правила, наиболее эффективным способом восприятия новой информации для них является схема или пример, а наиболее предпочтительным каналом восприятия – аудиальный. После фиксации информации таким учащимся требуется большее количество отсроченных повторений, чем лицам с доминантностью левого полушария. Учащиеся с доминированием правого полушария воспринимают информацию целостно, предпочитают холистическую стратегию изучения иностранного языка, с трудом концентрируются на деталях, проявляют меньший интерес к линейному изучению грам-

матики. Для них свойственно быстрое, спонтанное включение в языковую деятельность, их речь характеризуется лаконичностью, наличием пауз и хезитаций, эмоционально окрашенных элементов. При этом учащимся необходимо понимать конечную цель действия, в связи с чем коммуникативный метод является для них наиболее эффективным. Для лиц с левополушарной доминантностью характерно детальное описание предметов и событий, описание особенностей наблюдаемых предметов, что демонстрирует широкое употребление ими прилагательных, наречий, описательных местоимений [Сон, 2019, с. 199].

Рафаэль Гусман Тирадо обращается к сопоставительной грамматике с целью объяснить трудности, возникающие у носителей славянских языков в процессе изучения испанского языка [Guzmán Tirado, 2018]. При изучении иностранного языка учащиеся неосознанно ориентируются на строй родного языка, стремятся наложить его правила на изучаемый язык. Для носителей славянских языков наибольшую трудность представляют такие грамматические явления испанского языка, как использование артиклей, род и число имен существительных, выбор и склонение имен прилагательных, выбор и склонение притяжательных и указательных местоимений и употребление глагольных форм [Там же].

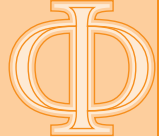
Рассмотрим освоение грамматики испанского языка русскоязычными учащимися на примере тематического материала «Временные формы глаголов». Трудность освоения глагольных форм обусловлена различием видовременных систем русского и испанского языков. В то время как в русском языке доминирует категория вида глагола, в испанском наиболее развитой является временная система. Особую трудность у русскоязычных учащихся вызывает освоение форм прошедших времен в испанском языке, среди которых прошедшее неопределенное (*pretérito indefinido*), прошедшее совершенное (*pretérito perfecto*), прошедшее несовершенное (*pretérito imperfecto*), плюсквамперфект (*pretérito pluscuamperfecto*).

Изучение грамматической темы состоит из этапа объяснения и ознакомления, этапа закрепления и этапа применения усвоенного материала. На этапе ознакомления учащимся с линейно-абстрактным типом мышления следует объяснить логическую структуру глагольной формы, углубиться в детали; учащимся с доминантностью правого полушария и, соответственно, конкретно-линейным типом мышления, предпочтительнее показать пример глагольной формы в контексте и схему или таблицу, демонстрирующую образование данной формы для всех видов глаголов. Левополушарным учащимся подойдут следующие задания:

- а) объяснить употребление данной грамматической формы;
- б) определить грамматическую форму выделенных слов;
- в) перевести предложение на родной язык.

Для учащихся с правополушарной доминантностью наиболее эффективными будут следующие задания:

- а) выписать из текста изучаемые явления и сгруппировать их;
- б) определить соотношение действий главного и придаточного предложений;
- в) заменить выделенную словоформу по образцу.

На этапе закрепления учащимся с левополушарной доминантностью подойдут упражнения на подстановку, в то время как учащимся с правым доминирующим полушарием необходимо большое количество наглядного материала, так как именно он позволяет им определить главные характеристики грамматического явления. Так, нам представляется целесообразным предложить учащимся с левополушарной доминантностью следующие задания:

а) заполнить пропуск, выбрав подходящую словоформу из приведенного перечня;

б) составить предложение с использованием данной грамматической формы;

в) пересказать текст, используя нужные глагольные формы.

Для учащихся с правополушарной доминантностью эффективными будут следующие задания:

а) заменить выделенную словоформу по образцу;

б) составить предложения по подстановочной модели;

в) отнести данные действия в прошлое;

г) прослушать текст, ответить на контрольные вопросы с использованием нужной временной глагольной формы;

д) прослушать текст, пересказать с использованием нужной глагольной формы.

Продуктивные упражнения, предполагающие составление собственных лингвистических продуктов, для лиц с ведущим левым полушарием могут быть следующими:

а) перевести предложения с русского на испанский;

б) описать ситуации, используя образец.

Для лиц с правым доминантным полушарием будут эффективны следующие задания:

а) рассказ в свободной форме с использованием данных глагольных форм;

б) составить высказывания, используя данные глаголы;

в) прочитать текст, ответить на контрольные вопросы.

г) расширить предложение с использованием изучаемой глагольной формы;

д) прослушать текст, ответить на контрольные вопросы.

Таким образом, мы обосновали необходимость учета доминантного полушария учащегося при организации учебного процесса, привели примеры упражнений для учащихся с левым и правым доминантным полушарием. Однако наиболее эффективным подходом нам представляется не развитие сильных сторон учащихся, а разностороннее развитие навыков. Так, например, учащимся с абстрактно-линейным типом мышления, предпочитающим работу с письменными текстами, подойдут и упражнения на базе аудиофайлов. В то же время представляется эффективным давать учащимся с конкретно-линейным типом мышления задания на основе письменных текстов. Мы видим задачу авторов образовательных программ в составлении учебного плана таким образом, чтобы способствовать сбалансированному использованию учащимися обоих полушарий.

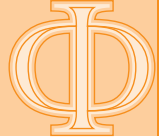

Библиографический список

1. Алпатов В.М. Проблема слова и психолингвистика // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2. С. 26–35.
2. Брагина Н.Н., Доброхотова Н.А. Функциональные асимметрии человека. 2-е изд. М.: Медицина. 1981. 240 с.
3. Ефимова И.В. Амбидекстры: Нейропсихология индивидуальных различий. СПб.: КАРО, 2007. 160 с.
4. Ливер Б.Л. Обучение всего класса. М., 1995.
5. Семенович А., Ковязина М. Межполушарное взаимодействие: хрестоматия. Генезис. М., 2018. 496 с.
6. Сон И.С. Особенности обучения грамматике русского языка на начальном этапе японских учащихся с учетом функциональной асимметрии мозга // Инновационная наука. 2019. № 5. С. 197–206.
7. Хомская Е.Д., Ефимова И.Д. К проблеме типологии индивидуальных профилей межполушарной асимметрии мозга // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 1991. № 4. С. 112–115.
8. Хомская Е.Д. Нейропсихология. 3-е изд. СПб.: Питер, 2005. 496 с.
9. Хомская Е.Д. Особенности когнитивных процессов у лиц с различной межполушарной организацией мозга / Городской координационно-методический центр по переподготовке кадров. М., 1998.
10. Чупров Л.Ф. Терминологический словарь по логопедии и нейропсихологии: учебно-методическое пособие. М.: Букстрим, 2012. 184 с.
11. Cubelli R., De Bastiani P. 150 years after Leborgne: Why is Paul Broca so important in the history of neuropsychology? // Cortex; a journal devoted to the study of the nervous system and behavior. 47. P. 146–147.
12. Eling P., Finger S. Franz Joseph Gall on hemispheric symmetries // Journal of the history of the neurosciences. Basic and clinical perspectives. 2020. Vol. 29, № 3. P. 325–338.
13. Guzmán Tirado R. Sobre las particularidades de la enseñanza del español a estudiantes rusohablantes // Revista de Humanidades. 2018. № 35. 2018. P. 217–241.
14. Manning L., Thomas-Antérion C. Marc Dax and the discovery of lateralisation of language in the left cerebral hemisphere // Revue neurologique. 167. 2011. P. 868–872.

Сведения об авторе

Устьянцева Кристина Евгеньевна – магистрант, Сибирский федеральный университет; e-mail: ustyaaa@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-13-1-68>

SPECIAL ASPECTS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGE GRAMMAR TO RUSSIAN-SPEAKING STUDENTS WITH DUE ACCOUNT OF FUNCTIONAL BRAIN ASYMMETRY (ON THE MATERIAL OF THE SPANISH LANGUAGE)

K.E. Ustyantseva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Nowadays, individual features of functional brain asymmetry are rarely taken into account in teaching a foreign language. The purpose of this article is to theoretically prove the need to consider these features in teaching Spanish grammar. The article reviews the main theoretical framework of the functional brain asymmetry and its relation to teaching a foreign language, types of perception, and special aspects of teaching Spanish grammar to Russian-speaking students. Research methods include analysis of scientific literature and classification of obtained data. As a result, this study provides evidence for the due account of individual brain asymmetry and suggests classification of exercises for left-dominant and right-dominant students.

Keywords: *functional brain asymmetry, dominant hemisphere, left brain dominance, right brain dominance, comparative grammar.*

References

1. Alpatov V.M. The problem of words and psycholinguistics // Questions of psycholinguistics. 2016. No. 2. P. 26–35.
2. Bragina N.N., Dobrokhotova N.A. Human functional asymmetries. 2nd ed. M.: Medicine, 1981. 240 p.
3. Efimova I.V. Ambidexters: Neuropsychology of Individual Differences. SPb.: KARO, 2007. 160 p.
4. Liver B.L. Teaching the whole class. M., 1995.
5. Semenovich A., Kovyazina M. Interhemispheric interaction. Reader. Genesis. M., 2018. 496 p.
6. Son I.S. Features of teaching Russian grammar at the initial stage of Japanese students, taking into account the functional asymmetry of the brain // Innovative Science. 2019. No. 5. P. 197–206.
7. Khomskaya E.D. Features of cognitive processes in persons with different interhemispheric organization of the brain // City Coordination and Methodological Center for Personnel Retraining. M., 1998.
8. Khomskaya E.D., Efimova I.D. On the problem of typology of individual profiles of interhemispheric asymmetry of the brain // Bulletin of Moscow University. Ser. 14: Psychology. 1991. No. 4. P. 112–115.
9. Khomskaya E.D. Neuropsychology. 3rd ed. SPb.: Peter, 2005. 496 p.
10. Chuprov L.F. Terminological dictionary on speech therapy and neuropsychology. Study guide. M.: Bookstream, 2012. 184 p.
11. Cubelli R., De Bastiani P. 150 years after Leborgne: Why is Paul Broca so important in the history of neuropsychology? // Cortex; a journal devoted to the study of the nervous system and behavior. 47. P. 146–147.
12. Eling P., Finger S. Franz Joseph Gall on hemispheric symmetries // Journal of the history of the neurosciences. Basic and clinical perspectives. 2020. Vol. 29, No. 3. P. 325–338.
13. Guzmán Tirado R. Sobre las particularidades de la enseñanza del español a estudiantes rusohablantes // Revista de Humanidades. 2018. No. 35. P. 217–241.
14. Manning L., Thomas-Antérion C. Marc Dax and the discovery of lateralisation of language in the left cerebral hemisphere // Revue neurologique. 167. 2011. P. 868–872.

About the author

Ustyantseva Christina Evgenievna – Master’s student, Siberian Federal University; e-mail: ustyaaa@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-13-1-69>

УДК 82

ОТЧЕТЫ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИМПЕРСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Т.А. Загидулина (Красноярск, Россия)

Е.О. Новикова (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье рассматривается *проблема* конструирования имперского пространства в России второй половины XVIII в. посредством создания отчетов Академических экспедиций. Речь идет о ментальной географии, представлениях о себе и Другом, центре и периферии, колониях и метрополии.

Целью данного исследования является анализ ситуации построения имперского пространства посредством текста научного исследования.

Данной проблематике посвящено немало как отечественных, так и зарубежных исследований. Это работы Э. Саида, М. Бассина, Т. Роботи, Ю. Слезкина, А. Эткинда.

Подход к анализу инструментария формирования имперской ментальной карты носит междисциплинарный характер. В работе используется структурно-типологический *метод*, также мы опираемся на постструктуралистские исследования (М. Фуко).

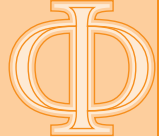
Исследование выполнено *на материале* отчетов об Академических экспедициях П. Палласа, И. Лепехина, Н. Озерецковского.

На основании произведенного анализа можно сделать *вывод*, что отчеты становятся важным звеном конструирования нового имперского пространства, именно в них выявляются идеологически важные оппозиции – «центр – периферия», «свой – чужой», «колония – метрополия». Документальный характер текстов позволяет сохранять максимальную объективность в оценке представленных в них репрезентаций.

Ключевые слова: *ментальная география, классицизм, колонизация, травелог, литература путешествий.*

Статья посвящена *проблеме* конструирования ментальной карты Российской империи в текстах «профессиональных» российских путешественников второй половины XVIII в.

Целью данного исследования является анализ ситуации конструирования имперского пространства посредством текстов научных исследований – отчетов Академических экспедиций второй половины XVIII в. Необходимым представляется анализ конкретных текстов П.С. Палласа – «Путешествие по разным провинциям Российского Государства», И.И. Лепехина «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», «Продолжение Дневных за-

писок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году», «Продолжение Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году», Н.Я. Озерецковского «Описание города Колы, что в Российской Лапландии» в аспекте конструирования имперского пространства.

Для достижения поставленной цели необходимо отметить факты идеологического конструирования империи в анализируемых текстах, соотнося их с работой Ю. Слезкина «Арктические зеркала. Россия и малые народы севера» [Слезкин, 2008], в которой достаточно полно и подробно описан процесс включения северных земель в имперское пространство.

Обзор научной литературы по проблеме. Ю. Слезкин выдвигает гипотезу о том, что «столкновение культур не может быть полностью описано в терминах угнетения <...> Все образы, о которых пойдет речь <...>, так или иначе порождены имперским господством России в Северной Евразии; но, поскольку они воспроизводят реальность, не тождественную их собственной, важно изучать их взаимоотношения друг с другом, а также с миром, который они искажали и отражали» [Слезкин, 2008, с. 16]. Ю. Слезкин рассматривает процесс колонизации, уделяя особое внимание взгляду колонизатора на культуру, быт, нравы колонизируемых как взгляду Другого.

М. Бассин пишет, что формирование имперской идентичности в России зародилось в Петровскую эпоху на волне реформ, ориентированных на Европу [Бассин, 2005]. Основной дихотомией российского географического пространства исследователь полагает наличие «европейского» центра – метрополии и отдаленных периферий, чужих, колониальных, внеевропейских. Эта дихотомия легла в основу разделения Российской империи на Европу и Азию. Ввиду того что граница между метрополией и колониями была воображаемой – незримой, долгое время велась дискуссия о ее местонахождении. М. Бассин полагает, что фундаментом имперской идеологии стало разделение России на европейский и азиатский сектора.

И. Бусыгина и А. Захаров описывают империю как конструкт, суть которого заключается «в постоянном воспроизводстве модели “доминирующий центр – подчиненная периферия”, причем упомянутые элементы имперской структуры располагаются в территориально различных регионах» [Бусыгина, Захаров, 2006, с. 41]. Основным признаком империи является ее неоднородная и гибридная природа [Бусыгина, Захаров, 2006]. Авторы статьи противопоставляют империю государству-нации, помимо прочего, полагают империю как «незаконченную систему, потенциально стремящуюся к бесконечности, то есть к совпадению с ойкуменой» [Бусыгина, Захаров, 2006, с. 42].

Пространство государства-нации, в свою очередь, не является имперским пространством, так как управление не строится на достаточно лояльном отно-

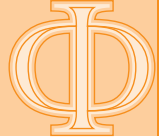
шении к широкому разнообразию культурных, экономических и политических институтов, тяготеет к ассимилирующим и унифицирующим практикам – «как политико-территориальные структуры империя и государство-нация представляют собой “идеальные типы”, которые противостоят друг другу – первый из них отрицает, а второй воплощает право наций на самоопределения» [Бусыгина, Захаров, 2006, 43]. Выстраивание имперской структуры не предполагает унификации, так как это может повлечь за собой крах этой структуры. Характер империй может быть различным: империя может быть морской, континентальной или гибридной [Бусыгина, Захаров, 2006, с. 43]. Для каждого типа характерен самобытный путь колонизации: захват или присвоение близлежащих земель.

Процесс формирования имперской идентичности, как и практически любой социальный процесс, так или иначе отражается на литературе, ее жанровой системе, появлении новых форм повествования, новых тем. Путешествие – наиболее чувствительный к этим изменениям жанр. Именно о формах жанра путешествия пишет Т. Роболи [Роболи, 1926].

Т. Роболи говорит о беллетристической форме жанра путешествия, имеющей мемуарно-эпистолярную основу. В XVIII в. жанр путешествия трансформируется, повествование становится формально интимизированным. Это связано с сентименталистскими тенденциями: «В тематическом отношении “путешествие” впитало в себя такие характерные для сентиментальной школы черты, как культ дружбы, восхваление жизни, близкой к природе, сельский пейзаж и проч.» [Роболи, 1926, с. 46]. Дело в том, что характерной чертой русских путешествий XVIII в. было обращение к кому-либо, будь то обращение (посвящение) к близким и друзьям, например, в «Путешествии в Малороссию» Шаликова – «любезным сердцу моему Андреевскому, Бну, Тшву», или обращение участников Академических экспедиций к императрице.

По мнению исследовательницы, принципиальным моментом возникновения жанра путешествия было выдвижение «литературного быта на место высокой литературы», где создается совершенно иной язык, одинаково далекий от грубого языка сатирических пьес и от высокого литературного стиля. Ориентация авторов была на язык образованного общества. Сообразуясь с сентиментализмом, тематика произведений также была ориентирована на индивидуальное, а не на типическое, на анекдот, а не на быт, что будет принципиально отличать эту литературу от отчетов участников Академических экспедиций, где индивидуального практически не будет, а ориентация на быт будет обязательным условием описания.

Т. Роболи противопоставляет этнографо-исторический или географический род путешествий литературному, это важно в контексте эпохи второй трети XVIII в., когда создаются своеобразные отчеты Академических экспедиций П.С. Палласа и И. Лепехина, Н. Озерецковского и С.П. Крашенинникова, Г.И. Шелихова и Е. Кожевина и др.

Методология исследования. Исследование путевой литературы сейчас является одним из самых популярных и в то же время не до конца разработанных направлений, оно отмечено интересом современного российского и зарубежного литературоведения.

Исследование путевой литературы подразумевает несколько методологических аспектов: культурного диалога (Запад – Восток), нарратологии (динамика образов повествователя и стилистики самого текста в зависимости от позиции, занимаемой субъектом наррации в антитезе «Запад – Восток») и имагологии, т.е. воображения, культурного «картографирования» тех или иных пространственных миров. Таким образом, методология исследования носит междисциплинарный характер.

Материалом послужили отчеты Академических экспедиций второй половины XVIII в.

Результаты исследования. В XVIII в. начали предприниматься первые большие путешествия, экспедиции, целью которых была, прежде всего, практическая польза, научное осмысление российских территориальных владений. И действительно, по сравнению с XVIII в. «дивящихся» путешественников было относительно немного. Целью тех путешественников было скорее присвоение новых земель, а не их исследование. В XVIII в. путешествие становится частью профессии исследователя, финансируется государством, сам статус путешественника становится принципиально иным. Немцы-путешественники XVIII в. уже обладали культурой травелога, ближайший их аналог – европейцы, приезжавшие в Россию – Герберштейн, Поссевино, Флетчер и др. По мнению Ю. Слезкина, «Московиты XVII века не путешествовали <...> они не рассматривали перемещение в пространстве как достойное занятие и не поощряли стремления дивиться мирским и неблагочестивым вещам» [Слезкин, 2008, с.120].

Подробное описание типов путешествий XVIII в. дано в работе С. Козлова [Козлов, 2003]. С. Козлов подробно характеризует академические экспедиции, образовательные путешествия, так называемые «Grand Tour», а также морские вояжи русских офицеров в 60–90-е гг. XVIII в. Именно Академические экспедиции XVIII в. становятся своеобразными маркерами целенаправленной государственной политики формирования имперской идентичности. Стоит также учитывать, что, в отличие от экспедиций петровского времени, эти были не секретны, открыты, труды во многом создавались для европейского читателя, как бы давая ему осознать мощь и размеры Российской империи.

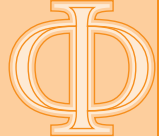
Проведение экспедиций было одной из главных функций созданной в 1724 г. Академии наук. «По характеру исследований экспедиции делились на: астрономические и географические, предпринимаемые для изучения территорий в картографических целях; “физические” <...>, предполагавшие физико-географические наблюдения и сбор материалов по лингвистике, этнографии, истории, экономике» [Козлов, 2003, с. 13]. Разумеется, ход любой экспедиции должен был фикс-

сироваться, с чем и связано появление большого количества путевых записок, очерков, дневников. Для фиксации происходящего были разработаны специальные инструкции, что вполне сообразовывало создание этих текстов с литературой классицизма, развивавшейся параллельно. Таких инструкций было несколько. Так, для Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга была составлена инструкция, которая, кстати, уделяла большее внимание конфиденциальности полученной информации, а например, П.С. Паллас и И. Лепехин руководствовались уже другим документом, созданным значительно позже. Их записи являются максимально фактическими.

Вторая Камчатская экспедиция подробно описана Свеном Вакселем в труде «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга» в 1740 г. [Ваксель, 1940]. Не менее ценную информацию могут дать и дневники И.Г. Гмелина, например «Путешествие в Сибирь» [Гмелин, 2009]. В 1767 г. началась подготовка длительной экспедиции под руководством П.С. Палласа.

Подобную государственную деятельность по освоению территорий Ю. Слезкин называет «великой инвентаризацией XVIII века», это не просто хозяйственное освоение территорий, это комплекс государственных мероприятий – например, перепись населения, составление словарей, таких как «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы императрицы Екатерины II» (Спб., 1787–1789) в двух томах, Симона Палласа, составление каталогов, перечней, карт. Таким образом, уже имеющийся хозяйственно-экономический факт использования восточных земель включался в культурную парадигму не просто освоения, но осознания. По М. Фуко [Фуко, 1994], человек XVII в. в Европе и XVIII в. в России научился классифицировать, т.е. не просто сопоставлять вещи, но прилагать к ним какой-то абстрактно-теоретический признак, создавая тем самым так называемую, «естественную историю» [Фуко, 1994, с. 161], которая своим инструментарием, состоящим из каталогов, списков, таблиц, создавала ядерную структуру самого рационального мышления. Колонки таблицы потенциально бесконечны, отсюда – принципиально «каталожный» характер нарративов путешественников XVIII в., отсюда же и их авторская позиция как «коллекционеров», сборщиков знаний, эмпириков. «В то время как государство продолжало классифицировать подданных <...> это требовало все более добросовестной каталогизации обычаев – вернее, не просто “обычаев”, а “SittenundGebräuchen”, что обычно переводилось как “нравы и обыкновения”» [Слезкин, 2008, с.128].

В XVIII в. политическая идентичность России подвергается коренным изменениям: после заключения Ништадтского мира в 1721 г. Россия провозглашается империей, а правитель – императором. «Эта попытка трансформировать политическую идентичность России сделала необходимым переделать и геополитический образ страны» [Бассин, 2005, с. 278]. Таким образом, Россия должна была быть разделена на европейскую метрополию и азиатские колонии.

В начале XVIII в. вопрос о границе между Европой и Азией, проходящей через Россию, не был решен, Петр склонялся к тому, что естественной границей может послужить Уральский хребет («Великий пояс»). Разделение России на Европейскую и Азиатскую имело огромное значение. Во-первых, это разделение легло в основу имперской идеологии, во-вторых, такая граница становилась естественной чертой между центром и периферией.

Одним из первых фундаментальных исследований отношений Запада и Востока в аспекте колониализма было исследование Э. Саида «Ориентализм». «“Местные интересы” – это частные интересы ориенталиста, „центральная власть” – общий интерес имперского общества в целом», – такими словами Саид описывает отношения колонии и колонизаторов [Саид, 2006, с. 67]. Э. Саид говорит о сути античной репрезентации ориентализма в пьесах Эсхила: «Европа могущественна и может отчетливо выражать свои мысли (артикулирована), Азия – побеждена и удалена» [Саид, 2006, с. 87]. Эта репрезентация провела первую границу между Западом и Востоком.

Саид утверждает, что, по мнению самих колонизаторов, они несли несомненную пользу колонизированным территориям в силу того, что считали восточные государства отсталыми, а Запад – оплотом цивилизации, которую можно было и нужно было нести на Восток. При этом обоснование колонизаторов такого положения вещей было следующим: «Есть люди Запада, и есть люди Востока. Первые господствуют, последние нуждаются в том, чтобы над ними господствовали, что обычно означает оккупацию их земель и жесткий контроль над внутренними делами, а их кровь и богатства при этом поступают в распоряжение той или иной западной державы» [Саид, 2006, с. 56]. Подход Саида не совсем применим для модели колонизации в России. Российская колонизация проходила поэтапно, сначала земли присваивались как новооткрытые, а лишь потом, по прошествии достаточно протяженного временного отрезка осваивались интеллектуально. Задачей российских путешественников не являлось миссионерство, первооткрыватели искали экономической выгоды, исследователи вели наблюдения и составляли описания, чтобы донести информацию об отдаленных районах государства до его центра.

Характер российской колонизации был во многом оригинален. Колонизация России происходила в том числе и на арене отношений власти и народа: «В отличие от классических империй с заморскими колониями, колонизация России имела внутренний характер. Империя осваивала собственный народ. Внутренняя колонизация совпала с эпохой Просвещения <...>. Миссионерство, этнография и экзотические путешествия, характерные феномены колониализма, в России имели преимущественно внутренний характер. <...> Народ есть Другой. Отсутствие географических, этнических и лингвистических признаков для такой оппозиции лишь усиливало значение признаков культурных (в частности, религиозных и эстетических)», – характеризует А. Эткинд двойственную природу российской колонизации [Эткинд, 2013, с. 9].

Но в опыте России была как внешняя колонизация, так и внутренняя. Причем сначала – внешняя (взятие Казани, Астрахани, Сибири и пр.), а потом – внутренняя. Внутренняя колонизация – факт культуры, но не администрирования. Оба сценария в XIX в. были равно релевантны. Внутренняя колонизация, в понимании А. Эткинда, возникает тогда, когда слой русских европеизированных интеллектуалов, появившихся в результате реформ Петра, начинает осознавать свой собственный народ как экзотическую реальность, «своего чужого». Народ (крестьянин) становится в перспективе Радищева, Грибоедова, Пушкина, Белинского и др. аналогом «благородного дикаря» европейской литературы. Но если там «благородный дикарь» – это индеец, то в России – собственный крестьянин.

Таким образом, внутренняя колонизация не изменяет сущностно русский колониционный опыт, а создает двойственность, так как Россия видит себя одновременно в двух перспективах – как европейская держава (и потому **субъект** колонизации) и как рецепирующая европейские нормы культура (и потому – **объект** колонизации).

Именно такие принципы реализуются в сочинениях П. Палласа и И. Лепехина, они путешествуют по России, не разделяя ее на Россию и не-Россию, они познают ее как свою, разделение есть только на «Я» и «Другой», противопоставляя себя представителям этнических сообществ по культурному и религиозному признаку. Сама форма и идея трудов П. Палласа и И. Лепехина показательна. Их записи – это во многом каталоги российских владений и владений императрицы, именно к императрице, в первую очередь к ней, обращены их труды: «всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня императрица и самодержицы всероссийская, государыня всемилостивейшая! Достопамятная милость, которую Ваше Императорское Величество щедро являете состоящим и возрастающим под высочайшим Вашего Величества покровительством наукам <...> повергнут к стопам Вашего Императорского Величества первые плоды моего по высочайшему Вашего Величества повелению предпринятого физического путешествия» [Паллас, 1773, с. 5]. В рамках рационалистической картины мира в центре всего – просвещенный государь, как в фокусе, собирающий в себе всю энергетику просвещенного государства. Даже в приведенной цитате подчеркнуто, что император – покровитель наук. Это одна из основных его функций. Границы физические здесь воображаемы, для путешественников гораздо более важны границы культурные, этические, их труды показывают разнородность российского населения, акцентируют внимание на культурных различиях, одной из их целей был именно поиск культурных различий, чем повышают авторитет центра и берут на себя роль инвентаризаторов.

Итак, путешественники XVIII в., участники Академических экспедиций, преследовали, прежде всего, научные цели. Написанное ими очень четко структурировано из-за того, что, по сути, их записи являются документальными. В ходе путешествия выясняется, что общественное устройство этнических сообществ, проживающих в империи, структурировано, причем структурировано по

типу общественного устройства центра, например, И. Лепехин замечает, что административное устройство деревень у татар, мордвы и чувашей на реке Черемшан выстроено по подобию административного устройства русских деревень, быт и образ жизни также сходны с русскими. Он даже проводит параллель между татарским исламом и русским православием: «При молении также никаких особенных обрядов не бывает; Мулла и Абызво образ наших священников, а Муазин соответствует должности нашего пономаря. Наш пономарь созывает в церковь посредством колоколов, а Муазин криком» [Лепехин, 1771, с. 45]. Вот пример применения своей системы оценок к чужому этнографическому материалу. Исследователю здесь безразличны конфессиональные тонкости (что было крайне важно в Средние века, и не только в отношении ислама), он применяет критерий быта – простейшего фундамента цивилизации – пытается соотнести социальные роли, присущие русскому социуму, с тем, что кажется ему аналогами таких ролей в описываемом сообществе.

Таким образом, имеет место ситуация вхождения малой культуры периферии в большую, «свою», «правильную» культуру центра. При этом культура периферии не противопоставляется культуре центра, но все же некоторые обычаи Лепехиным экзотизируются, на их основе конструируются культурные различия, что позволяет ему считать себя носителем культуры центра.

Ю.М. Лотман пишет: «“Своя культура” рассматривается как единственная. Ей противопоставляется культура других коллективов <...>. При этом своя культура противопоставляется чужой именно по признаку “организованность” – “неорганизованность”. <...> Они характеризуются не наличием каких-либо других признаков, а отсутствием признаков культуры» [Лотман, 1992, с. 386]. Несмотря на то что эта мысль относится к архаичным этапам развития культуры, она будет актуальна для ситуации взаимоотношений русских колонизаторов и колонизируемых племен, культура которых находится на более ранней стадии развития.

Сочинение И. Лепехина находится в политической парадигме, говоря о религии местного населения, он замечает, что православие не является единственной, а тем более главной религией этнических групп, населяющих Российскую империю, таким образом подчеркивая ее гетерогенность.

Говоря о культуре, Лепехин экзотизирует местные обычаи, например народную медицину, которая развивалась среди многих этнических групп, населявших Российскую империю. Он описывает медицинские ухищрения местного населения, и делает это весьма иронично: «Абыз сообщил им весь свой припас, между которым бобровая струя по татарскому исповеданию стояла под первою цифрою, за ней следовала киноварь как надежное пристанище обуреваем тяжкими болезнями. Нет такого недуга, который по их приметам не был покорен сему обожаемому лекарству; Хотя такое лечение, сравнивая с записками и примечаниями врачей, кажется быть убийственным, однако должно и то взять в рассуждение, что ежели бы наша бабушка часто своим лечением отправляла на тот свет, то без со-

мнения скоро потеряла к себе доверенность», – пишет Лепехин о встрече с деревенской целительницей [Лепехин, 1771, с. 76]. Он как носитель культуры метрополии, следовательно, культуры «правильной» и нормативной, оценивает колониальную культуру как экзотическую, но во многом сходную с культурой центра – когда нарратор видит аналогии, он пишет о них спокойно, как только перестает их видеть – тональность становится иной.

Политика империи не предполагала насильственного введения единой религии: «От всех “объясаченных иноземцев” требовали дать торжественную клятву верности (шерть) – напрямую или через одобренных русскими представителей. Русские ясачные сборщики предполагали, что у каждого народа есть своя «вера» и что в каждой вере есть своя сакральная формула, скрепляющая всех верующих узами взаимных обязательств» [Слезкин, 2008, с. 35]. И. Лепехин дает по поводу религиозной ситуации следующие комментарии: «Хотя с 1743 году всевозможное старание было прилагается нашим духовенством, дабы их просветить правоверием <...> Сначала они пользовались многими выгодами, как то увольнение от податей, которые собирались с некрещеных и запринявших правоверие. Наконец, давалась желающим принять крещение и награда, по чему не редко лакомые до денег раза по два и по три в разных местах крестились» [Лепехин, 1771, с. 78]. Таким образом, у представителей этнических сообществ оставался относительно свободный выбор вероисповедания, несмотря на то, что иногда за принятие христианства им предлагаются поощрения, например, в виде освобождения от некоторых налогов. Интересно, что спустя сотни лет проблема сосуществования различных верований в пределах метрополии будет рассматриваться художниками и как культурное своеобразие империи, и как выход к особым, тайным знаниям [Сибирская идентичность..., 2015].

Земли империи были крайне разнородны, что, кстати, подчеркивало престиж и авторитет монарха. Например, Н.Я. Озерецковский в сочинении «Описание Колы и Астрахани» пишет о лопарях, живущих на Кольском полуострове: «Все Лопари, России подданные, суть христиане одной с нами веры, к которой многие из них прилеплены весьма усердно, хотя во всей Лапландии одна только церковь находится; ибо, кроме Колы, нет нигде Божия храма; и один Кольской священник во всей Лапландии все духовные потребности исправляет. Он временно ездит по Лопарским погостам; дает молитвы родильницам» [Озерецковский, 1804, с.11].

Собственно, для центра поддержание местных обычаев и смирение с местной религией означало своевременную и достаточную выплату «ясака», ситуация могла измениться в начале XVIII в., но христианство не стало популярным в колониях: «Крещения “оптом”, не сопровождавшиеся переменами в обычном праве, привели к созданию значительной группы христиан, не отличимых от язычников. <...> Официальная принадлежность к религиозной общине оказалась оторванной как от формального статуса налогоплательщика, так и от веры в ее традиционном понимании» [Слезкин, 2008, с. 73].

И. Лепехин, будучи в окрестностях горы Тура Тау, записывает следующее: «За свято почитаемая башкирцами Тура Тау принудила нас быть роскошными и возбуждать башкирскую неустрашимость вином: ибо никто из них на сию гору с нами идти не хотел отговариваясь разными обетами, которые они горе должны, и которые еще не исполнены: ибо без исполнения обета взлазить на гору никто не может» [Лепехин, 1771, с. 82]. Путешественник как человек, принадлежащий культуре центра, не воспринимает той смысловой нагрузки, которая есть у этой горы для данной этнической группы, но и представители этнической группы не разделяют взглядов пришельца из центра – их мировоззрения не совпадают – это пример культурного различия, имперское пространство гетерогенно, культурная стратегия империи весьма целостна: просвещение, описание, каталогизация, использование.

Несмотря на то что путешествовали исследователи на территории одного государства, они преодолевали множество границ. Самой главной такой границей была граница колонии и метрополии. Колонии были заселены преимущественно этническими группами, поэтому путешественники выходили не только за физические, но и за культурные, и за языковые границы. Именно культурные различия, существовавшие по разные стороны границы, во многом формировали имперскую идентичность. Так, И. Лепехин проводит границу между жителями Табынска (русскими) и башкирцами, живущими на той же территории: «Хотя Табынск отовсюду окружен лесистыми горами, служащими убежищем разным хищным зверям, однако из табынских жителей, мало к тому охочих. Сие упражнение остается около живущим башкирцам, которые, как и все другие степные народы, к звероловству весьма склонны» [Лепехин, 1771, с. 87]. Несмотря на то что территориально эти группы связаны, они различны по этническому признаку и по образу жизни. И этническая принадлежность, в данном случае выступающая инструментом конструирования культурных различий, является границей между колонией и метрополией.

Интересно, что этнические сообщества противопоставляются жителям центра – русским, но не противопоставляются друг другу. Напротив, автор находит некоторые черты сходства в них. Так, о башкирах И. Лепехин пишет: «В содержании скота в кочевках много они сходятся с калмыками», «кислое молоко, айрян называемое, которое они так, как и татары, употребляют вместо обыкновенного питья» [Лепехин, 1771, с. 82], – это один из маркеров формирования бинарной оппозиции «метрополия – колония».

Заключение. Таким образом, труды, созданные в ходе Академических экспедиций, становятся инструментом конструирования новой имперской идентичности, причем не только и не столько в глазах российского читателя, сколько в глазах западной просвещенной публики, для которой они и создавались. В трудах четко прослеживается дихотомия «метрополия – колония», очень большое внимание авторы уделяют местной экзотике, начиная с одежды, заканчивая гастрономическими впечатлениями: так создается образ другого-чужого, но все-таки принад-

лежащего империи. Более того, произведен процесс интеллектуального присвоения, осмысления территории посредством описания ее физико-географических особенностей, а также растительного и животного многообразия.

Библиографический список

1. Артемьева Т. «Особливая часть света»: формирование государственной идентичности России в XVIII в. // Там, внутри. Практики внутренней колонизации России. М., 2012. С. 155–185.
2. Бассин М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 277–311.
3. Бусыгина И., Захаров А. Политический мини-лексикон. М.: Моск. школа полит. исследований, 2006. 260 с.
4. Ваксель С.Л. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1940. 176 с.
5. Гмелин И.Г. Путешествие по Сибири: 1733–1743: в 4 т. Репринтное издание 1751–1752 гг. СПб.: Альфарет, 2009.
6. Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения: в 3 т. СПб., 2003. Т. 1. 496 с.
7. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб., 1771. Ч. 1. 562 с.
8. Лепехин И.И. Продолжение Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1772. Ч. 2. 462 с.
9. Лепехин И.И. Продолжение Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. СПб., 1780. Ч. 3. 430 с.
10. Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. Т. 1. С. 386–472.
11. Озерецковский Н.Я. Описание города Колы, что в Российской Лапландии // Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804. С. 1–82.
12. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. 657 с.
13. Роболи Т. Литература «путешествий» // Русская проза. Л.: Academia, 1926. С. 42–73.
14. Саид Э. Ориентализм. СПб., 2006. 636 с.
15. Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX веков: монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2015. (Универсалии культуры. Вып. VI).
16. Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008. 509 с.
17. Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-сacд, 1994, 408 с.
18. Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 644 с.

Сведения об авторах

Загидулина Татьяна Андреевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и методики начального образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zagi9@rambler.ru

Новикова Елизавета Олеговна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: Elisanov1991@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-13-1-69>

RECORDS OF MID-TO-LATE 18TH CENTURY ACADEMIC EXPEDITIONS AS A TOOL FOR CONSTRUCTING IMPERIAL SPACE

T.A. Zagidulina (Krasnoyarsk, Russia)

E.O. Novikova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article deals with the problem of constructing the imperial space in Russia in the 18th century through the reports on Academic expeditions. It is about mental geography, ideas about oneself and the Other, center and periphery, colonies and metropolis.

The purpose of this article is to analyze the situation of constructing an imperial space through the text of a scientific study.

Review of scientific literature on the problem. A lot of both Russian and international studies are devoted to this problem. These are works by E. Said, M. Bassin, T. Roboli, Y. Slezkin, A. Etkind.

Methodology (materials and methods). The approach to the analysis of the imperial mental map formation toolkit is interdisciplinary. The work uses the structural and typological method and is grounded on post-structuralist research (M. Foucault).

The study was carried out on the basis of reports on the Academic Expeditions of P. Pallas, I. Lepekhin, N. Ozeretskovsky.

Research results. Based on the analysis made, it can be concluded that reports become an important link in the construction of a new imperial space, it is in them that ideologically important oppositions are identified: *center-periphery, friend-foe, colony-metropolis*. The documentary character of the texts maintains maximum objectivity in assessing the representations presented in them.

Keywords: *mental geography, classicism, colonization, travelogue, travel literature.*

References

1. Artemyeva T. “Ehe Special part of the world”: the formation of national identity of Russia in XVIII // There. Practices of internal colonization of Russia. Moscow, 2012. P. 155–185.
2. Bassin M. Russia between Europe and Asia: Ideological construction of geographical space // The Russian Empire in foreign historiography. Moscow, 2005. P. 277–311.
3. Busygina I., Zakharov A. Politicheskiy mini-lexikon. Moscow: Mosk. polit school. research, 2006. 260 p.
4. Vaksel S.L. Vitus Bering's second Kamchatka expedition. Leningrad; Moscow, 1940. 176 s.
5. Gmelin I.G. Traveling in Siberia: 1733–1743: in 4 vol. Reprint edition 1751–1752. St. Petersburg, 2009.
6. Kozlov S.A. Russian traveler of the Enlightenment era: in 3 vol. St. Petersburg, 2003. Vol. 1. 496 p.
7. Lepekhin I.I. Day notes of the journey of the doctor and the Academy of Sciences associate Ivan Lepekhin to different provinces of the Russian state in 1768 and 1769. St. Petersburg, 1771. P. 1. 562 p.
8. Lepekhin I.I. Continuation of the Daily notes of the journey of Doctor and Academician of Sciences Associate Ivan Lepekhin to different provinces of the Russian state in 1770. St. Petersburg, 1772. P. 2. 462 p.

9. Lepekhin I.I. Continuation of the Daily notes of the journey of Doctor and Academician of Sciences Associate Ivan Lepekhin to different provinces of the Russian state in 1771. St. Petersburg, 1780. P. 3. 430 p.
10. Lotman Yu.M. On the metalanguage of typological descriptions of culture // Articles on semiotics and typology of culture. Tallinn, 1992. Vol. 1. P. 386–472.
11. Ozeretskovsky N.Ya. Description of the city of Kola, which is in Russian Lapland // Description of Kola and Astrakhan. St. Petersburg, 1804. P. 1–82.
12. Pallas P.S. Travel to different provinces of the Russian Empire. St. Petersburg, 1773. 657 p.
13. Roboli T. Literature of "travel" // Russian prose. Leningrad: Academia, 1926. P. 42–73.
14. Said E. Orientalism. St. Petersburg, 2006. 636 p.
15. Siberian identity in the mirror of a literary text: tropes, toposes, genre forms of the XIX–XX centuries: monograph / ed. by N.V. Kovtun. A series of "Universal culture". Is. VI. M.: Flinta: Nauka, 2015.
16. Slezkin Yu. Arctic mirrors. Russia and the small peoples of the North. Moscow, 2008. 509 p.
17. Foucault M. Words and things. St. Petersburg: A-cad, 1994. 408 p.
18. Etkind A. Khlyst: Sects, Literature and Revolution. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 644 p.

About the authors

Zagidulina Tatyana Andreyevna – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Theory and Methods of Primary Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail: zagi9@rambler.ru

Novikova Elizaveta Olegovna – Postgraduate Student of the Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail: Elisanov1991@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-13-1-70>

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ УТОПИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТАЖАНРА»: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.И. Шевчугова (Красноярск, Россия)

А.В. Федченко (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье представлен концептуальный обзор Международной научной конференции «Современная русская утопия: трансформация метажанра» (Красноярск, октябрь 2020 г.), посвященной памяти Б.Ф. Егорова, одного из самых значительных отечественных ученых-филологов современности. Дается краткая характеристика наиболее ярких докладов. Становится очевидным, что утопия остается важнейшим инструментом исследования будущего, одним из самых динамично развивающихся метажанров. Это общеинтеллектуальный дискурс, содержание которого выявляется через противостояние некой совокупности приемов, тематизируемой понятиями «миф», «ритуал», «эсхатология», «идеология», в то же время это и интенция, имманентная человеческому сознанию в качестве мечты, желания. Таким образом, будущее утопии не подлежит сомнению.

Ключевые слова: *филологическая конференция, русская утопия, метажанр, литературные течения.*

В октябре 2020 г. в Красноярске состоялась Международная научная конференция «Современная русская утопия: трансформация метажанра», вызвавшая широкий резонанс в филологическом сообществе. Форум стал продолжением цикла встреч, связанного с развитием филологической науки в Сибири. Назовем лишь самые яркие события, прошедшие за несколько последних лет. В этом ряду Международный научный семинар «Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия» [Ковтун, 2015], состоявшийся в ноябре 2015 г. при поддержке, выделенной в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России; и «Сибирский филологический форум» [Ковтун, 2016], с успехом прошедший в ноябре 2016 г. при государственной поддержке, выделенной в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 68-рп и на основании конкурса, проведенного Общероссийской общественной организацией «Российский союз ректоров».

В отличие от названных событий, конференция 2020 г. прошла в смешанном формате, часть гостей представили свои доклады в системе Zoom. В каком-то смысле организаторы форума совершили «еретический» жест, опровергая страхи и опасения нынешнего времени, собирая огромную аудиторию специалистов из ведущих академических институтов, университетов России, Европы под знамена Утопии, словно бросая вызов ее сопернице – Антиутопии, чья победа в XXI в. уже и не опровергается. Конференция была посвящена памяти большого ученого – Бориса Федоровича Егорова, доктора филологических наук, члена Союза писателей Санкт-Петербурга, члена Всемирной ассоциации писателей «Международный ПЕН-клуб», академика Независимой академии эстетики и свободных искусств, главного научного сотрудника-консультанта СПбИИ РАН. Собрали форум в кратчайшие сроки, ибо к памяти БорФеда хотелось прикоснуться всем.

Борис Федорович прожил долгую, замечательную жизнь. Среди его учеников, последователей держатели научных направлений, создатели школ. Но встречи с ним запоминались не только пониманием масштаба личности, но чудесным ощущением безграничной доброты и искренности Бориса Федоровича. Под обаяние его личности попадали все и с большим удовольствием: от журналистов, которые стремились взять интервью, до студентов, которые засыпали вопросами на открытых лекциях. Он был внимателен к каждому.

Утопия была одной из его несомненных loves: от проектов славянофилов до символистов и марксистов. Он живо интересовался работами по современной отечественной утопии [Егоров, 2007]. И именно этому его интересу крупнейшие вузы Красноярска обязаны совместными проектами, открытыми лекциями, встречами с Борисом Федоровичем, о которых на только что прошедшей Международной конференции много вспоминали.

Научная проблематика форума оказалась в высшей степени актуальна. Как известно, исследование утопии невозможно без изучения смежных областей, закономерным стало рассмотрение широчайшего круга идеологических, социальных, исторических, философских проблем, которые связаны с анализом утопического дискурса. Программа конференции получилась очень насыщенной: три пленарных заседания и четыре секционных.

Конференция началась с приветственного слова и.о. ректора КГПУ им. В.П. Астафьева, кандидата исторических наук Марии Валерьевны Холиной. Она говорила о роли форума для развития науки края, становления молодых ученых. Затем с приветственным словом выступила доктор филологических наук, профессор Наталья Ковтун, по инициативе которой и был организован форум. Она рассказала о сотрудничестве с Борисом Федоровичем, о работе над несколькими совместными научными проектами, среди важнейших: издание монографии «Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX вв.» [Русский проект..., 2011], организация Международной конференции «Русский традиционализм: история, идеология, литературная рефлексия», материалы которой были изданы отдельной книгой [Русский традиционализм..., 2016].

В работе форума «Современная русская утопия: трансформация метажанра» приняли участие коллеги из Ягеллонского университета (Краков, Польша), сотрудники отечественных академических институтов (СО РАН), ведущих российских университетов: МГУ, РГГУ, СПбГУ, УрФУ, НГУ, ИГУ, АлтГПУ, ОмГУ, ТюмГУ, СФУ и ряда др. Конференция проводилась при поддержке Ассоциации преподавателей русского языка и литературы высшей школы, Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края.

Пленарные выступления были связаны с анализом современных утопических дискурсов. Первое заседание открыла доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИФЛИ СО РАН Е. Проскурина. Ее доклад был посвящен утопическим фантазиям А. Платонова, к которым относятся такие ранние его произведения, как «Поэма мысли», «В звездной пустыне», «Невозможное», «Жажда нищего». Утопическая доминанта погружена здесь в плотное поле лирической рефлексии, что отразилось на именовании автором своих произведений поэмами. В докладе к анализу были привлечены два произведения: «Поэма мысли» и «В звездной пустыне». Авторское именование анализируемых произведений поэмами служит ключом к их восприятию в парадигматике высокого жанра. В докладе исследовались содержательная сторона и формальные признаки текстов, часть из которых указывают на их близость к жанру стихотворения в прозе. Но специфика субъектной организации и часто употребляемые средства воздействия на читателя (риторические вопросы, обращения и пр.) позволяют говорить о появлении в жанровой структуре публицистических признаков. Такого рода жанровые и дискурсивные смешения дают представление о сложности авторского мировидения, находящегося в процессе формирования тех философских оснований, которые отчетливо проявятся в зрелых произведениях Платонова.

Н. Ковтун в докладе о «Советских текстах» Д.А. Пригова продемонстрировала стратегию обыгрывания утопии «Светлого будущего» в работах мастера. Было предложено решение темы женского и детского в сборнике Д.А. Пригова, темы составили нравственный стержень классической словесности. Их деконструкция – знак переосмысления гуманистической парадигмы. В докладе были выделены спектр сакрального и демонизированного, связанного с темой женщины, показано как ДАП двигается от социальных культурных символов к бессознательному (рассматривались образы советской женщины-героини, женщины как объекта сострадания, печали, женщины-матери – воплощенной мудрости и матери-Родины, женщины-вамп).

Профессор А. Вавжинчак из Ягеллонского университета представил парадигму героев-утопистов в романах А. Проханова первой половины 2010-х гг. Профессор Е. Приказчикова из УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина обратила внимание слушателей на то, как строится гендерная утопия, выделив ее в произведении «Татьянин день» Т. Окуневской.

Особенно отметим выступление доктора филологических наук, профессора НГУ Л. Синяковой. В ее докладе «Топика “дом – антидом” в прозе А.П. Чехова 1890-х годов» были представлены результаты исследования трех произведений зрелого Чехова: «Бабье царство», «В родном углу» и «Случай из практики». Отмечалась трансформация топоса *дом* (соотнесенного со значением убежища, родового гнезда, места консервации традиций) в топос *антидом* – со смысловой акцентуацией разрушения традиционного уклада и места генерации экзистенциальных эмоций тоски и скуки, более того, тревоги, ощущения беспредметной угрозы. В докладе представлены разные варианты сюжетного завершения, координированного с топикой антидома: оно выражается в финальных мотивах смирения («Бабье царство»), бегства («В родном углу») и потенциального ухода – добровольной и осознанной перемены судьбы персонажа («Случай из практики»).

Второе пленарное заседание открыл доклад А. Маркова из РГГУ «Утопия во время чумы: о парадоксальности сквозного мотива русской литературы». Необыкновенно интересный доклад сделал М. Кун из Ягеллонского университета. Он обратился к творчеству Дмитрия Глуховского, в частности к единственному на сегодняшний день реалистическому роману писателя-фантаста «Текст». В своем анализе исследователь привел доказательства того, что представленные в произведении образы Москвы (2009 и 2016 гг.) отличает встроенность в утопический и антиутопический дискурс одновременно.

Выступление кандидата филологических наук Е. Воробьевой из РГГУ было посвящено элементам дистопии и политическому прогнозу в романе рунбежа 2010–2020-х гг. Свообразным завершением двух пленарных заседаний стал доклад кандидата филологических наук доцента М. Лопачевой из Санкт-Петербургского государственного института культуры. В свете разработанной М. Фуко концепции гетеротопии рассмотрены принципы и способы репрезен-

тации «других пространств» в прозе М. Кураева. По мнению докладчика, в процессе анализа художественных текстов гетеротопологический подход позволяет выявить ряд пересекающихся смыслов в пространственно-временной структуре произведения. Для метода М. Кураева прием локализации действия в ограниченном пространстве, обретающем в контексте произведения статус «ино-го», весьма характерен. На материале романа «Зеркало Монтачки» показано, что применение данного приема позволяет художнику эксплицировать свой взгляд на многослойность бытия.

Третье пленарное заседание открыл доклад «Утопия жизнеутверждающей живописи Александра Дейнеки» доктора педагогических наук, профессора из Тулы Е. Райхлиной. Она обратила внимание слушателей на позитивное восприятие мира живописцем, отстаивание им фундаментальных нравственных ценностей. Евгения Львовна рассматривала вопрос о соотношении в творчестве Дейнеки правды жизненной и правды художественной, так как был очевидным идеологический и социальный запрос на отражение жизнеутверждающей тематики в искусстве 20–30-х гг. XX в., однако иногда настроение его картин граничило с утопией, сказкой. Такая сказка внушала надежду, которая помогала выжить в истории.

Профессор С. Козлова (Барнаул, АлтГУ) в докладе продемонстрировала системность крестьянских утопий Алтайского края в русской прозе 1960–1970-х гг., отметив обращение авторов к традициям общинного земледелия, к современным идеям модернизации крестьянского производства. Своеобразным продолжением этой проблематики стал доклад профессора СПбГУ Н. Цветовой «Экологическая антиутопия В. Распутина: публицистический вариант». В докладе была проанализирована смысловая структура и речевая форма публицистической статьи В.Г. Распутина «Сколько будет лет в XXI веке», которая является вершинным вариантом разработки экологической проблематики во второй половине прошлого столетия. Сравнивая три варианта статьи, автор показывает, как работа над текстом осуществлялась сразу в нескольких направлениях, где ключевое – воплощение категории авторства и времени.

В интереснейшем докладе профессора А. Куляпина из Алтайского государственного педагогического университета было представлено искусство Васи Ложкина (Алексея Куделина), в котором отражается состояние современной России. Творчество художника теснейшим образом связано с процессами, разворачивавшимися в 1990–2010-х гг. Если попытаться сформулировать некое кредо Васи Ложкина, то можно заметить, что идея прогресса ему чужда. Взгляд художника на перспективы развития цивилизации пессимистичен. Одна из его тем – мрачное постапокалиптическое будущее. Однако и экологическая утопия, которую современному человеку предлагают в качестве альтернативы научно-технического прогресса, в изображении Васи Ложкина далека от гармонии. Тонкие грани утопии / антиутопии анализировал докладчик.

Т. Загидулина, преподаватель КГПУ им. В.П. Астафьева, в докладе «Техноутопия и искусственный интеллект: репрезентация в литературе начала XXI века (на материале электронной оперы В. Аргонова “Легенда о несбывшемся грядущем”» продемонстрировала взаимосвязи современной российской техноутопии с литературой соцреализма, выявила значение образа гностической Софии, а также акцентировала внимание на трансформации ее природы.

Секционные заседания проходили не менее оживленно. Из ярких докладов можно назвать доклад кандидата филологических наук, доцента Алтайского государственного педагогического университета Т. Богумил «Сибирь как антиутопия в диалогии А.В. Рубанова “Хлорофилия” и “Живая Земля”», который был посвящен утопической традиции сибирского текста, существующей помимо достаточно исследованной беловодческой темы. Была намечена линия преемственности: от Ф.В. Булгарина (XIX в.) через А.К. Гастева (нач. XX в.) к романам современного автора – А. Рубанова. Наглядно продемонстрировано, что в диалогии Рубанова пространство Сибири последовательно меняет свои функции: существует в оппозиции к Москве, центру, затем становится Россией в миниатюре; является колонией и условием существования московской (анти)утопии; местом ссылки и постапокалиптической «дикости» как основы потенциального возрождения; собственно утопическим городом, альтернативной столицей.

Доклад А. Задориной, доцента кафедры культурологии и искусствоведения гуманитарного института СФУ, был посвящен анализу образа ковчега в романе Л.М. Леонова «Вор». «Ковчегом» в произведении, описывающем пореволюционный быт 1920-х, является коммунальная квартира, где собираются героимаргиналы. В отличие от ветхозаветной версии, капитаном чудесного корабля является не праведник, а вор и убийца, Митька Векшин, благодаря чему библейский сюжет вшит в художественное пространство наизнанку, позволяя сделать важные выводы об авторском видении происходящих в стране событий.

Н. Вальянов, кандидат филологических наук, преподаватель КГПУ им. В.П. Астафьева, сосредоточил внимание на рассмотрении творчества современного сибирского писателя М. Тарковского в контексте утопической традиции. На примере анализа избранных произведений автора исследователь проследил идею смещения художественных акцентов: от патриархально-утопической картины мира к идиллическим основаниям бытия.

Т. Заиндинова из Иркутского государственного университета представила интерпретацию финала романа Андрея Платонова «Счастливая Москва» в контексте утопических мотивов. В докладе исследователь также предприняла попытку описания разрабатываемой писателем концепции незавершенности художественного произведения.

На конференции царил атмосфера принципиальной, но доброжелательной дискуссии, каждый доклад сопровождался вопросами, демонстрируя не только заинтересованность участников конференции, но и расширение контекста рас-

смаатриваемой темы. Все докладчики получили сертификаты участников, их статьи будут опубликованы в монографии «**Утопический дискурс в русской культуре конца XIX–XXI веков: литература, живопись, кинематограф**», которая готовится к печати, и в тематическом сборнике статей. Сразу подчеркнем, издание в той или иной мере вписывается в существующую филологическую традицию. Так, в 2016 г. вышла книга «Острова любви БорФеда. Сборник к 90-летию Б.Ф. Егорова» [Острова любви..., 2016].

В общей сложности за время работы Международной научной конференции «Современная русская утопия: трансформация метажанра» участники прослушали более пятидесяти докладов. Научная встреча собрала в едином пространстве профессуру с мировыми именами и начинающих исследователей, магистрантов и аспирантов, расширив возможность обмена опытом между отечественными и европейскими учеными, занимающимися изучением современной и классической утопии не только в рамках художественной литературы, но и в области культуры, искусства в целом.

В промежутках между работой секций, дискуссиями и спорами гости продолжали оживленное обсуждение заявленной проблематики, что говорит о высокой заинтересованности участников.

В одном из интервью Борис Федорович поделился своей излюбленной мыслью, метафорически поясняющей его понимание жизни: «У меня есть идея островов. Вот громадный океан, мы его не можем переделать по-своему, очистить. Надо создавать острова. И я с молодых лет создаю около себя эти острова учителей и товарищей, которые дают возможность существовать. И на таком острове активная жизнь и творчество – один из способов выживания. И любовь» [Менделеева, 2015]. Одним из таких островов, безусловно, стала Международная научная конференция «Современная русская утопия: трансформация метажанра».

Итак, конференция показала, что утопия и сегодня остается важнейшим инструментом исследования будущего. Одним из самых динамично развивающихся **метажанров**. В современной критике утопию все чаще трактуют как общеинтеллектуальный дискурс, содержание которого выявляется через противостояние некой совокупности приемов, тематизируемой понятиями «миф», «ритуал», «эсхатология», «идеология». Особенно стоит указать на трактовку утопии как интенции, имманентной человеческому сознанию в качестве мечты, желания. И значит, утопии будут оставаться с нами, пока человек сохраняет способность мечтать и надеяться.

Библиографический список

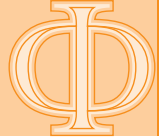
1. Егоров Б.Ф. Российские утопии. Исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПБ, 2007. 414 с.
2. Ковтун Н.В. Первый Международный Сибирский филологический форум: итоги и перспективы // Филологический класс. 2016. № 3 (45). С. 98–103.

3. Ковтун Н.В. Современный русский традиционализм: итоги и перспективы: международный научный семинар «Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия» // Филологический класс. 2015. № 4 (42). С. 88–92.
4. Менделеева Д. Борис Егоров: Любовь и острова // Pravmir.ru [Электронный ресурс]. 2015. 28 января. URL: <http://www.pravmir.ru/boris-egorov-lyubov-i-ostrova/> (дата обращения: 08.02.2021).
5. Острова любви БорФеда: сб. к 90-летию Б.Ф. Егорова / ред. А. Дмитриев, П. Глушаков. СПб.: Росток, 2016. 1056 с.
6. Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX вв.: монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта-Наука, 2011. 403 с.
7. Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия: монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2016. 456 с. (Универсалии культуры. Вып. VII).

Сведения об авторах

Шевчугова Екатерина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования и семейного воспитания, Красноярский краевой институт повышения квалификации; e-mail: e.pinzhenina@gmail.com

Федченко Анжела Валерьевна – магистрант I курса, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: anzhelika.bardakova.1996@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-13-1-70>

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE CONTEMPORARY RUSSIAN UTOPIA: TRANSFORMATION OF THE META-GENRE: RESULTS AND PROSPECTS

E.I. Shevchugova (Krasnoyarsk, Russia)

A.V. Fedchenko (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article provides a conceptual overview of the International Scientific Conference *Contemporary Russian Utopia: Transformation of the Meta-Genre* (Krasnoyarsk, October 2020), dedicated to the memory of B.F. Egorov, one of the most significant Russian philologists of our time. A brief description of the most striking and significant reports is given. It is becoming obvious that utopia remains the most important tool for studying the future, one of the most dynamically developing meta-genres. This is a general intellectual discourse, the content of which is revealed through the opposition of a certain set of techniques, thematized by the concepts of *myth, ritual, eschatology, ideology*, at the same time it is an intention immanent in human consciousness as a dream or desire. Thus, the future of utopia is beyond doubt.

Keywords: *philological conference, Russian utopia, meta genre, literary trends.*

References

1. Egorov B.F. Russian utopias. Historical guide. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2007. 414 p.
2. Kovtun N.V. The First International Siberian philological Forum: results and prospects // Philological class. 2016. No. 3 (45). P. 98–103.
3. Kovtun N.V. Modern Russian traditionalism: results and prospects. International scientific seminar “Russian Traditionalism: history, ideology, poetics, literary reflection” // Philological Class. 2015. No. 4 (42). P. 88–92.
4. Mendeleeva D. Boris Yegorov: Love and Islands // Pravmir.ru [Electronic resource]. 2015. January 28. URL: <http://www.pravmir.ru/boris-egorov-lyubov-i-ostrova/> (accessed: 08.02.2021).
5. Islands of love BorFeda. Collection for the 90th anniversary of B. F. Egorov / ed. by A. Dmitriev, P. Glushakov. St. Petersburg: Rostok, 2016. 1056 p.
6. Russian project of correction of the world and artistic creativity of the XIX–XX centuries: monograph / ed. by N.V. Kovtun. Moscow: Flinta-Nauka, 2011. 403 p.
7. Russian traditionalism: history, ideology, poetics, literary reflection: monograph / ed. by N.V. Kovtun. A series of “Universal culture”. Moscow: Flinta: Nauka, 2016. Is. VII. 456 p.

About the authors

Shevchugova Ekaterina Igorevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Humanitarian Education and Family Education, Krasnoyarsk Institute for Advanced Studies; e-mail: e.pinzhenina@gmail.com

Fedchenko Angela Valeryevna – Master’s student, Department of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail: anzhelika.bardakova.1996@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-13-1-71>

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ-2021: ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА НАУЧНОГО ФОРУМА

И.С. Букал (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье представлен обзор истории, социокультурных традиций, концептуального содержания и исследовательских перспектив крупнейшей научно-практической конференции Красноярского края – Красноярских краевых Рождественских образовательных чтений (Красноярск, январь 2021 г.). Статья содержит характеристику докладов, представленных в рамках тематической секции «Церковь и культура», а также обоснование актуальности представленных авторами исследовательских работ в контексте перспектив развития рассматриваемого религиозно-общественного форума.

Ключевые слова: *филологическая конференция, научно-практическая конференция, Рождественские чтения, церковь и культура, религиозно-общественный форум, духовность, нравственность, исследовательская деятельность.*

С 17 по 22 января 2021 г. на базе Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края состоялся ежегодный религиозно-общественный форум «XXI Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения. Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа». Конференция стала продолжением известной традиции [Ковтун, 2015, с. 10–11].

Первые Рождественские чтения были проведены в Красноярске в 1996 г. Тогда же организаторы форума (Красноярская митрополия Русской православной церкви, Министерство образования Красноярского края и главное управление образования администрации города Красноярска) сформулировали его ключевые задачи. В их число были включены развитие духовного образования, нравственное просвещение общества, осмысление проблем актуальной науки и культуры в контексте православного миропонимания, а также увеличение количества возможностей для установления плодотворного сотрудничества Церкви и государства в сфере образовательной и просветительской деятельности. Обозначенные задачи не только успешно реализуются в рамках научно-практических конференций на протяжении последних двадцати лет, но и концептуально расширяются, позволяя учредителям форума открывать исследователям все новые и новые творческие горизонты.

Ключевая идея Рождественских чтений заключается в акцентировании внимания общества на важности научно-исследовательских работ, посвященных актуальным проблемам развития духовной жизни. Ориентация учредителей форума на исследовательский контекст рассмотрения духовно-нравственного дискурса способствует устранению оппозиции между светским и церковным взглядами на проблемы современности. «Очень важно, что Рождественские чтения стали местом для открытого диалога. Здесь встречаются разные точки зрения, разные мнения. И мы вместе находим или намечаем пути решения тех или иных проблем – в областях образования и культуры» (Бардаков, 2020).

Традиционно Рождественские чтения характеризуются ростом числа участников открытых научно-практических конференций. Несмотря на непростую эпидемиологическую обстановку в крае, в качестве докладчиков на XXI Краевых Рождественских образовательных чтениях выступило порядка 200 человек, среди которых 5 докторов и 27 кандидатов наук. Открытость учредителей конференции к новым форматам научно-исследовательского взаимодействия, а также высокий уровень технической оснащённости Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края позволили исследователям принять активное участие в обсуждении современных подходов к воспитанию, важности сохранения исторической памяти народа, апробированных практик преподавания ОДНКНР и других актуальных тем как в очном, так и в сетевом формате.

На конференции выступили специалисты из Москвы, Иркутска, Красноярска, Новосибирска, Томска, Республики Хакасия и др. Секции форума провели трансляции на таких онлайн-площадках, как Webinar.ru, Zoom и YouTube, что позволило не только объединить выступающих и слушателей из разных областей Российской Федерации, но и сохранить видеоматериалы конференции, включающие в себя как содержание докладов, так и живую полемику, которая сопровождала каждый из них. Всего было организовано более 20 тематических секций и других мероприятий по следующим направлениям: «Церковь и образование», «Церковь и общество», «Церковь и история Приенисейской Сибири», «Церковь и культура».

Открытие Чтений состоялось в онлайн-формате, пленарное заседание транслировалось на платформе webinar.ru. С докладами выступили заместитель начальника Управления общественных связей губернатора Красноярского края – советник руководителя администрации губернатора Красноярского края Виталий Богомазюк (доклад на тему «Идти только вперед, помнить, кто мы и откуда пришли: историческое будущее Отечества»); кандидат исторических наук, заместитель директора по учебно-воспитательной работе средней школы № 12 города Красноярска Александр Дементьев (доклад на тему «Исторический выбор Александра Невского: изучение трудного вопроса на уроках истории в школе»); директор музея «Мемориал Победы» города Красноярска Татьяна Ивлева (доклад на тему «Образ Александра Невского в период Великой Отечественной войны»). Представленные исследователями дискуссионные тезисы позволили актуализировать главный вопрос, обсуждаемый каждой секцией на всем протяжении Рождественских чтений: отечественная культура и национальные духовно-нравственные ценности сегодня отражают в большей мере ориентацию на Запад или Восток? Каков путь развития российского государства? Уместно ли отделение одной оппозиции от другой? К осмыслению обозначенной проблематики каждая из секций научно-исследовательского форума подошла по-своему.

В рамках секции «Воскресные школы Красноярской митрополии: воспитание, катехизация и воцерковление» состоялось обсуждение духовного наследия святого благоверного князя Александра Невского в контексте воспитания обучающихся начального и среднего образования. Фокус внимания исследователей был обращен к необходимости всестороннего рассмотрения фигуры князя на уроках истории, литературы, внеклассного чтения и ОДНКНР, которое позволяло бы реалистично отобразить личность Александра Невского, воссоздать его живой неподдельный образ, близкий и понятный современному ученику. Докладчики акцентировали важность формирования духовно-нравственного начала в каждом ученике, обозначив, что основы нравственных установок ребенка закладываются не столько образовательными учреждениями (светскими и приходскими школами), несмотря на наличие у них разнообразных просветительских инструментов в сфере духовного становления личности, сколько семьями. Выступающие (Вячеслав Комаров, Анастасия Кошечко, Мария Нефедова и другие) предложили множество вариантов интеграции института семьи в контекст духовно-нравственного воспитания учащихся в школе.

Секция «Филология в христианском контексте», модераторами которой стали кандидат филологических наук, доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева Татьяна Садырина и штатный священник Никольского кладбищенского храма города Красноярска, поэт и писатель протоиерей Виктор Теплицкий, представила широкий спектр тематического разнообразия научно-исследовательских работ: литературоведы продемонстрировали результаты осмысления отечественной и зарубежной литературы в

контексте православных традиций русской культуры; затронули проблему актуальных коммуникативных стратегий, взглянув на нее через призму стратегий и тактик современной православной проповеди.

Свой вклад в осмысление концептов духовности и нравственности, а также их реализации в литературе и других видах искусства внесла секция «Церковь и культура» под руководством члена президиума Общества русской словесности, доктора филологических наук, профессора Натальи Ковтун. Содержательное наполнение секции традиционно отличалось насыщенностью, было представлено научными докладами магистрантов, аспирантов, доцентов Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Выступления исследователей были подчинены строгой тематической последовательности.

Первая часть секции была связана с докладами, которые так или иначе затрагивали тему церкви, духовности и соборности общества. Так, в выступлении главного библиотекаря отдела читальных залов Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края Вероники Краснопахтич «Образ Александра Невского в разных видах искусства» были представлены результаты исследования на тему трансформации образа князя Александра Невского в работах отечественных художников: Михаила Нестерова, Павла Корина, Николая Рериха и некоторых других. Внимание исследователя было уделено не только изобразительному ряду, обращенному к заявленной тематике, но и отображению образа князя в кинематографе и музыке XX–XXI столетий.

Вторая часть секции представляла собой обсуждение актуальных литературных течений, текстов. В круг рефлексии докладчиков попали имена В. Распутина, В. Шукшина, М. Тарковского, Р. Сенчина, И. Бояшова, Л. Улицкой и многих других. В своих научно-исследовательских работах выступающие представили результаты аналитической работы, направленной на изучение таких композиционных, сюжетных и концептуальных структур, как образы мучеников и грешниц в литературе, сакрализация образа мастера в православной культуре, гностические мотивы современной прозы, особенности осмысления категории души и духа авторами рубежа XX–XXI столетий, обращение писателей к мифотворчеству и обрядовым структурам в процессе сюжетопорождения, софийность женских образов в литературе, проблема искусственного интеллекта.

XXI Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения показали, что категории духовности и нравственности, а также задачи совместной просветительской деятельности Церкви и института образования с каждым годом становятся все более актуальными. Качественный рост исследовательского интереса к тематическому своеобразиеу форума, увеличение числа публикаций докладчиков в ежегодно издаваемом сборнике (по материалам, представленным в рамках конференции) свидетельствуют о том, что духовно-нравственное становление личности является предметом общекультурного дискурса. Рождественские чтения стали полем для широкой миссионерской работы и останутся таковыми на протяжении многих лет.

Библиографический список

1. Акопов Г.В. Российское сознание. Самара: СамГПУ, 2002. 91 с.
2. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Институт психологии РАН, 2004. 312 с.
3. Вопросы православной педагогики / общ. ред. свящ. А. Владимирова. М.: Общество «Радонеж», 1992. Вып. 1. 77 с.
4. Ковтун Н. Рождественские чтения в Красноярске. История, опыт, перспективы // Личность и культура. 2015. № 1. С. 10–12.
5. Лосский В.Н. Богословие и Боговидение / общ. ред. Владимира Пислякова. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 2000. 631 с.
6. Осипов А. Принципы воспитания в христианской педагогике // Воспитание школьников. 1999. № 4. С. 5–9.

Сведения об авторе

Букал Ирина Сергеевна – магистрант II курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: bukal_is@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-13-1-71>

CHRISTMAS READINGS-2021: TOPICS AND PROBLEMS OF THE SCIENTIFIC FORUM

I.S. Bukal (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article provides an overview of the history, socio-cultural traditions, conceptual content and research prospects of the largest scientific and practical conference of the Krasnoyarsk Territory - Krasnoyarsk Regional Christmas Educational Readings (Krasnoyarsk, January 2021). The article contains a thesis description of the reports presented in the framework of the thematic section "Church and Culture", as well as substantiation of the relevance of the research papers presented by the authors in the context of the prospects for the development of the religious and public forum under consideration.

Keywords: *philological conference, scientific and practical conference, Christmas readings, church and culture, religious and social forum, spirituality, morality, research activity.*

References

1. Akopov G.V. Rossijskoe soznanie. Samara: SamGPU, 2002. 91 s.
2. Volovikova M.I. Predstavleniya russkih o npravstvennom ideale. M.: Institut psihologii RAN, 2004. 312 s.
3. Voprosy pravoslavnoj pedagogiki / obshch. red. svyashch. A. Vladimirova. M.: Obshchestvo "Radonezh". 1992. Vyp. 1. 77 s.
4. Kovtun N. Christmas readings in Krasnoyarsk. History, experience, prospects // Personality and Culture. 2015. No. 1. S. 10–12.
5. Losskij V.N. Bogoslovie i Bogovidenie / obshch. red. Vladimira Pislyakova. M.: Izdatel'stvo Svyato-Vladimirskogo bratstva, 2000. 631 s.
6. Osipov A. Principy vospitaniya v hristianskoj pedagogike // Vospitanie shkol'nikov. 1999. No. 4. S. 5–9.

About the author

Bukal Irina Sergeevna – 2nd year master's student of the Faculty of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail: bukal_is@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-13-1-72>

УДК 82.0

СИЛА (НЕО)МИФА.

Рецензия на монографию Ясмину Войводич «Неомифологизм в актуальной русской прозе». М.: «Флинта», 2021. 240 с.

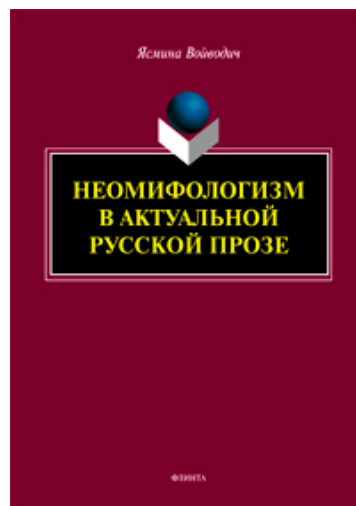
Жива Бенчич (Загреб, Хорватия)

Аннотация

Монография Ясмину Войводич «Неомифологизм в актуальной русской прозе» посвящена важному, но все еще недостаточно изученному аспекту современной русской литературы. Можно с уверенностью предположить, что, благодаря оригинальности подхода к рассматриваемой проблематике, а также выбору самого материала исследования, она встретит живой отклик научного сообщества. Монография «Неомифологизм в актуальной русской прозе» содержит двенадцать глав, одна из которых служит теоретическим введением, а остальные одиннадцать поделены на три больших тематических блока, называющихся «Игра в ледяной неомиф», «Тривиализация мифа» и «Исторический неомиф».

Ключевые слова: Ясмину Войводич, неомифологизм, русская проза, проблематика.

В ввводной главе читатель знакомится с понятийным аппаратом, который автор далее будет использовать в книге, причем основными его элементами являются такие понятия, как миф, неомиф, ремифологизация, демифологизация, неомифологизация и т.п. Помимо разъяснения содержания указанных понятий, Ясмину Войводич затрагивает также вопрос об основных различиях и сходствах, существующих между мифом и литературой, мифом и неомифом, неомифом и бриколажем, опираясь при этом на релевантную научную литературу (Р. Барт, Ю.М. Лотман, А. Успенский, К. Леви-Стросс и др.). В числе исследователей, без которых выстраивание какой бы то ни было убедительной теории неомифа было бы невозможно, – Зара Минц, Вадим Руднев и Яна Погребная: их имена упоминаются начиная с первой главы. Не оставляет автор без внимания и имена литературоведов, не пользующихся понятием неомифа, но четко обрисовывающих и детально исследующих само явление неомифологических тенденций в литературе XX в.: речь, прежде всего, идет о Е. Мелетинском, М. Элиаде, М. Соларе и Н. Ковтун. В конце ввводной главы Ясмину Войводич анализирует отношение постмодернистской поэтики к мифу и приходит к выводу, что «иронизируя над мифом, постмодернизм

в тривиализированной форме включает его в постмодернистский роман <...> Обесмысливая все, даже „глубинные“ истины, постмодернизм принимает миф особым образом в свои объятия, и такой миф становится неомифом, получая новое качество в структуре постмодернистского романа» (с. 10).

Первая часть монографии, состоящая из трех глав, полностью посвящена одному из наиболее значительных современных русских писателей Владимиру Сорокину, точнее, изучению неомифологического аспекта его прозы (отдельных романов и повестей). Глава под названием «Образ Сибири», в которой автор воссоздает картину сибирского пространства в русской литературе и одновременно в современном «массовом сознании», стоит особняком, подготавливая читателя к восприятию и пониманию последующих двух глав данного блока – «Сибирский Лед из „ледяной трилогии“ В. Сорокина» и «Бесконечное пространство „Метели“». В первой из двух указанных глав, как и следует из названия, анализируется «ледяная» *Трилогия* Сорокина («Путь Бро»; «Лёд»; «23 000»): особое внимание при этом уделяется неомифологизации Сибири. Убедительности анализа способствует авторский интерпретационный горизонт, охватывающий, помимо других романов Сорокина, действие которых разворачивается в сибирском пространстве («Голубое сало», «День опричника», «Сахарный Кремль», «Теллурия», «Манарага»), постмодернистские романы со сходным «сибирским» хронотопом (например, «S.N.U.F.F.» В. Пелевина), а также некоторые современные мифы и даже научные гипотезы о Тунгусском метеорите как исходной точке «Трилогии» Сорокина. Красной нитью через все произведения Сорокина, отмеченные неомифологизацией сибирского пространства, проходит мысль о видении Сибири как особого места, «в котором изобретаются (производятся или добываются) очень важные „вещества“, от которых в некоторой степени зависит весь мир или мир „избранных“» (с. 20–21). Первая часть завершается искрометной интерпретацией Ясиной Войводиц повести Сорокина «Метель».

Второй блок содержит четыре части, посвященные различным приемам трансформации мифологического содержания в неомифологическое в романах М. Степновой, В. Пелевина, Вик. Ерофеева и С. Минаева. Ясину Войводиц прежде всего интересует, каким образом «современный роман тривиализирует мифологические элементы, каким образом он творит новые мифы и играет со старыми» (с. 56). Уже по названиям отдельных глав можно увидеть, о каких приемах идет речь: «Элементы десакрализации („Хирург“ М. Степновой)»; «Мифологема молодого тела („S.N.U.F.F.“ В. Пелевина)»; «Тривиализация и индивидуализация мифа („Русская красавица“ В. Ерофеева)»; «Гибридизация. Бытовые мифологии и современная массовая литература (романы С. Минаева)».

В первой работе аналитический взгляд автора сосредоточен на романе «Хирург» М. Степновой, точнее, на судьбе его двух нарциссоидных героев, разделенных временем и пространством, современном пластическом хирурге Хрипунове и исламистском деятеле XI в. Хасане ибн Саббахе. Тот и другой по-своему наделяют себя божественной функцией и потому служат для Ясины

Войводич ярким примером десакрализации божественного, так что в мотиве их смерти она прозревает ироническое обыгрывание идеи Ницше о смерти Бога. Во второй части автор детально анализирует широкую палитру телесных, принципиально нестабильных конфигураций, которыми отличаются образы как человеческих, так и фантастических, неомифологических существ в романе В. Пелевина «S.N.U.F.F.». В контексте размышлений о мифологеме молодого тела особенно интересны наблюдения автора над визуальной идентичностью героев и героинь Пелевина, оформленной в соответствии с эстетикой японских комиксов и анимации, манга и аниме. Данная глава завершается обзором различных случаев исчезновений тела как постоянного мотива прозы Пелевина.

Третья глава второго блока посвящена феномену тривиализации мифологического содержания в романе «Русская красавица» Вик. Ерофеева. Дело в том, что историю жизни главной героини романа Ясмине Войводич интерпретирует как сниженный, тривиализированный вариант жизненного пути мономифического персонажа Джозефа Кэмбелла. В последней главе автор анализирует романы С. Минаева как массовую «литературу мультиплицированного гибрида» или же как «караоке-литературу», отталкиваясь от определения данного понятия А. Генисом и Д. Угрешич.

В третьей тематической части своей книги Ясмине Войводич занимается мифологемами начала и конца, прошлого и будущего в историческом или же биографическом времени героев и героинь отдельных произведений актуальной русской прозы. Речь идет о прозе В. Сорокина, Л. Улицкой, З. Прилепина и Е. Водолазкина. В первой главе этого блока, называющейся «Вернуться к истокам (о документе в „ледяной трилогии“ В. Сорокина)», автор анализирует в трилогии, своеобразно описывающей все важнейшие исторические события XX в., писательскую «игру в документальность», отстаивая посредством своих фикциональных элементов необходимость возврата к Исконному. Если этот возврат «к Свету изначальному» подразумевает отказ от письменного слова и возрождение слова устного, то, по словам автора, ссылающегося на М. Липовецкого, можно говорить и о разрушении литературоцентрического мифа в «ледяной трилогии» Сорокина. В главе «Мифологема счастливого будущего („Детство 45–53: а завтра будет счастье“ Л. Улицкой)» автор анализирует многочисленные личные воспоминания о послевоенном детстве (1945–1953), представленные в книге Улицкой в подлинных (в большей или меньшей степени) письмах рядовых людей. Ясмине Войводич удастся воссоздать безусловно идеализированное представление поколения тех лет о послевоенной жизни, точнее говоря, раскрывая механизмы индивидуальной и коллективной памяти, описать миф о послевоенном детстве как потерянном рае.

В третьей главе данного блока «Мифологема революции („Санька“ З. Прилепина)», анализируя тематическо-мотивную и сюжетную структуру романа Прилепина, автор приходит к выводу, что революцию в нем следует понимать не как переворот, но как поворот, превращение, обращение, что подразумевает

не коренное изменение политической системы и власти, но возврат к прошлому. Таким образом, «революция в романе представлена в исконном значении слова „обращение“» (с. 193). Проблематика последней статьи блока и всей книги – «Начало и конец индивидуальной истории („Авиатор“ Е. Водолазкина)» – связана с главой, посвященной Л. Улицкой. Дело в том, что в обеих своих работах Ясмينا Войводич задается вопросом, «каким образом общая великая история преломляется в жизни отдельно взятого человека, создавая собственную микроисторию» (с. 194).

В заключение краткого обзора выскажем предположение, что книга Ясмины Войводич станет новым импульсом к дальнейшим исследованиям русской литературы сквозь призму неомифологизма: точнее станет взгляд исследователя, анализирующего на новых литературных опусах. Главы данной книги не только интригуют своей проблематикой, но отличаются концептуальной четкостью, методологической системностью и широтой подхода автора. Вводя новые понятия и мотивы, Ясмينا Войводич не только знакомит читателя с релевантной научной литературой, но предлагает и собственные оригинальные решения. Анализируя то или иное произведение, наряду с совокупным опусом писателя и литературной традицией, на которую опирается произведение, автор учитывает и более широкий внелитературный контекст. Поэтому не удивляют ее многочисленные экскурсы в область других видов искусства, а также других дисциплин, как, например, психология, философия, культурная антропология и т.п. Книгу Ясмины Войводич «Неомифологизм в актуальной русской прозе» в любом случае необходимо отнести к числу интересных и ценных вкладов в развитие современной русистики.

Сведения об авторе

Жива Бенчич – заслуженный профессор философского факультета, доктор филологических наук, Загребский университет (Хорватия); e-mail: zbencic@ffzg.hr

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-13-1-72>

THE POWER OF (NEO)MYTH

Review of the monograph by Jasmina Vojvodić

Neomythologism in actual Russian prose,

Moscow: Flinta, 2021. 240 p.

Ziva Bencic (Zagreb, Croatia)

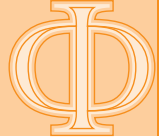
Abstract

Russian writer Jasmina Vojvodić's monograph *Neomythologism in Actual Russian Prose* focuses on an important but still insufficiently studied aspect of modern Russian literature. It is safe to assume that due to the originality of the approach to the problem under consideration, as well as the choice of the research material itself, it will meet a lively response from the scientific community. The monograph *Neomythologism in actual Russian prose* contains twelve chapters, one of which serves as a theoretical introduction, and the remaining eleven are divided into three large thematic blocks, called *The Game of Ice Neomyth*, *Trivialization of myth* and *Historical Neomyth*.

Keywords: *Jasmina Vojvodić, neomythologist, Russian prose issues.*

About the author

Ziva Bencic – Doctor of Philology, Professor Emeritus, Department of Philosophy, University of Zagreb (Croatia); e-mail: zbencic@ffzg.hr

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (20 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

3. При цитировании обязательно указание ссылок на *все* источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора / авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и в соответствии с международными стандартами, принятыми редакцией (транслитерация и перевод);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

I. Библиографический список на русском языке и References.

II. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

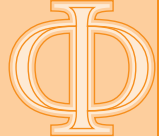
.....

Библиографический список

1. Голуб Г.Б., Фишман И.С., Фишман Л.И. Общие компетенции выпускников высшей школы: что стандарт требует от вуза // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 156–173.

2. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 274 с.

3. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Какого его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).

4. Шкерина Л.В. Междисциплинарные модули в программе бакалавриата педагогического направления подготовки: проектирование и реализация // Образование и общество. 2015. № 1 (90). С. 65–70.

5. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI:10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT
AND TECHNOLOGY EDUCATION
A.G. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

Bibliograficheskiy spisok

Образец оформления

При ссылке на русскоязычный источник обязательны транслитерация и перевод (текст на английском языке заключается в квадратные скобки):

Iakovlev I.I., Khasan P.H. Keramika vostochnykh slavian [Ceramics of the Eastern Slavs. In Sovetskaia arkheologiya Soviet archeology]. 2015. № 1. P. 5–10. DOI:

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (data obrashheniya: 05.02.2011).

About the author

Spiridonova Galina Sergeevna – Candidate of Philology, associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail:

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2021. № 1 (13)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 25.02.21.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 8,4